

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

2/2013

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Федоров Игорь Вадимович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА
Алексеева Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Безбородов Юрий Сергеевич**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА (зам. гл. редактора); **Белых Владимир Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, директор ИПиП УрГЮА, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮА, заслуженный деятель науки РФ; **Геймур Ольга Геннадьевна**, кандидат юридических наук, Тюменский государственный университет; **Головина Светлана Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права УрГЮА; **Гончаров Максим Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Драпкин Леонид Яковлевич**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА, заслуженный деятель науки РФ; **Жернаков Дмитрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Загайнова Светлана Константиновна**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА; **Кодан Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА, заслуженный юрист РФ; **Козаченко Иван Яковлевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права УрГЮА, заслуженный деятель науки РФ; **Койстинен Ярмо**, кандидат юридических наук (Финляндия); **Кондрашова Татьяна Владимировна**, кандидат юридических наук, профессор УрГЮА; **Кокотов Александр Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ; **Круглов Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права УрГЮА, заслуженный юрист РФ; **Логинова Татьяна Евгеньевна**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета; **Малинова Изабелла Павловна**, доктор философских наук, профессор УрГЮА; **Милицин Сергей Дмитриевич**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Мотревич Владимир Павлович**, доктор исторических наук, профессор; **Невинский Валерий Валентинович**, доктор юридических наук, профессор, проректор Алтайского государственного университета, заслуженный юрист РФ; **Осинцев Дмитрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Попондопуло Владимир Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ; **Родионова Ольга Николаевна**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Русинов Рудольф Константинович**, кандидат юридических наук, профессор УрГЮА; **Савицкий Петр Иванович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранного государственного и международного права УрГЮА, заслуженный юрист РФ; **Старилов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета; **Тарханов Ильдар Абдулхакович**, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Казанского государственного университета, заслуженный юрист Республики Татарстан; **Толстых Владислав Леонидович**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Новосибирского государственного университета; **Трунк Александр**, доктор юридических наук, профессор, директор Института права стран Восточной Европы Кильского университета (ФРГ); **Федорова Марина Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, советник Конституционного Суда РФ; **Хуан Даосю**, профессор, председатель Научно-исследовательского центра российского права Политико-юридического университета Китая

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮА,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.
E-mail: ruzh@usla.ru, ruzh93@hotmail.com.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

- Зипунникова Н. Н. (Екатеринбург)* К вопросу о традициях формирования юридического корпуса (обзор новых изданий по истории подготовки юристов в России) 5

КАЗУСЫ

- Осинцев Д. В. (Екатеринбург)* О неопределенных последствиях применения срока давности в различных отраслях права, или Без вины виноватые 26

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Саленко А. В. (Калининград)* Горе от УМКа 30

ВАША БИБЛИОТЕКА

- Родионова О. Н. (Екатеринбург)* Рец. на кн.:
Детков А. П. Теоретические и методологические проблемы пенитенциарной конфликтологии: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: Монография. — Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. — 356 с. 35

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

- Иванова С. А. (Екатеринбург)* Обзор «круглого стола» «Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации и зарубежных стран о государственной и муниципальной службе» 37
- Григорьев И. В. (Екатеринбург)* Проблемы правового регулирования проведения квалификационных экзаменов на государственной службе в Российской Федерации и других государствах ЕврАзЭС 41
- Мионов В. П. (Екатеринбург)* Роль и место независимых экспертов в конкурсной, аттестационной комиссиях, комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов 44

CONTENTS

LEGAL HERITAGE OF RUSSIA

- Zipunnikova N. N. (Yekaterinburg)* About the traditions of the formation of a legal corps (overview of new publications on the history of education of lawyers in Russia) 5

SPECIAL CASES

- Osintsev D. V. (Yekaterinburg)* About uncertain outcomes of application of time limits in various branches of law, or Quilty without a fault 26

THE PROBLEMS OF JURIDICAL SCIENCE AND EDUCATION

- Salenko A. V. (Kaliningrad)* Troubles from educational-methodical complex 30

LIBRARY

- Rodionova O. N. (Yekaterinburg)* Review of the book:
Detkov A. P. Theoretical and methodological problems of penitentiary conflictology: criminal law and criminal executive aspects: Monography. – Yekaterinburg: USLA Publishing House, 2011. – 356 p. 35

PROCEEDINGS OF CONFERENCE

- Ivanova S. A. (Yekaterinburg)* Review of round table «Problems of improving the legislation of the Russian Federation and foreign countries on public and municipal service» 37
- Grigoryev I. V. (Yekaterinburg)* Problems of legal regulation of the qualifying examinations in the public service in the Russian Federation and other countries of the Eurasian Economic Community 41
- Mironov V. P. (Yekaterinburg)* The role and place of independent experts in the competitive and certification commissions, commission of compliance with the official conduct and conflict of interest 44

Н. Н. Зипунникова*

**К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ
ФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КОРПУСА
(обзор новых изданий по истории подготовки юристов в России)**

В работе представлен обзор изданий по истории подготовки юристов в России, опубликованных в РФ в последние годы и представляющих интерес для широкого круга читателей.

Ключевые слова: юридическое образование, история, обзор, традиции

This article presents an overview of publications on the history of education of lawyers in Russia, published in Russia in recent years and useful for many people.

Key words: legal education, history, overview, traditions

Исследовательский интерес к опыту, накопленному российской высшей юридической школой, можно охарактеризовать как устойчивый. Об этом свидетельствуют и многочисленные публикации в профессиональной периодике, и монографические издания, появляющиеся в разнородном по качеству литературно-издательском потоке. Тезис о том, что «правовую культуру созидают не законодатели и не юридические факультеты», почерпнутый из большой работы В. Н. Синюкова¹, заставил снова задуматься на эту тему, но ни в коей мере не поколебал уверенности в значимости институций образования и науки для формирования юриста-профессионала. Известный правовед отмечает, в частности, что профессиональное юридическое образование – частный элемент правовой культуры юриста, «строить на нем юридические профессии – недопустимый образовательный позитивизм, выхолащивающий их смысл». Более того, по мнению автора, юридическая профессия не может быть «рабыней узкого юридического образования». «Формирование профессионального юридического образования исключительно в конструкциях права, законодательства и судебной практики ведет к неустойчивости принципиально важной человеческой компоненты правопорядка», – продолжает автор, рассуждая об «удивительной внутренней целостности» профессиональной правовой культуры, ее независимости от меняющихся государственных приоритетов. В работе автор ставит действительно актуальную проблему узости юридического образования.

Представляется, тем не менее, что зарождение и последующее формирование юридических знаний, их трансляция, особенности подготовки юристов и юридического образования вплетены в ткань развивающейся правовой системы и правовой культуры общества, страны. Собственно, разнообразие исторически сформировавшихся моделей юридического образования дополняет в известном смысле и характеристику многоцветия правовых систем и правовых культур. Знакомство с насущными проблемами современного юридического образования в России и погружение в его историю актуализируют рефлексию по поводу того, все ли «новое – хорошо забытое старое» и возможны ли образовательные инновации без знания и учета традиций. Способствуют плодотворности рефлексии, на наш взгляд, значительные исследовательские усилия, отраженные в ряде новых изданий на эту тему.

* Зипунникова Наталья Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: zipunnikowa@yandex.ru.

¹ Синюков В. Н. Российская правовая система. М., 2010. 2-е изд., доп. С. 611–613.

В монографии Ю. Г. Галай, посвященной университетскому юридическому образованию императорской России¹, обозначена генеральная цель — «комплексное исследование закономерностей развития юридического образования и системы присвоения ученых степеней магистра и доктора права в изучаемый период». Определены и задачи, направленные на ее достижение, среди которых особо обратим внимание на «определение места и роли юридического образования в государственной структуре XVIII — начала XX в.» (с. 7). Ограничение исследования университетским образовательным пространством, когда не рассматривается опыт иных учебных заведений, осуществлявших подготовку юристов в указанный период, имеет немалую традицию, поскольку, как известно, постепенно создававшийся сектор высшего образования в России был «университеточентричным». Университетская жизнь, отмечают ученые, выделялась в отдельную сферу общественного бытия, специфика этого социального института была очевидна даже применительно к остальным вузам страны². Более того, преподавание права в университетах Европы емко охарактеризовано как один из элементов западной традиции права³, о влиянии которой на становление российского юридического образования и науки имеются зарисовки в монографии профессора Ю. Г. Галай.

Работа состоит из двух основных частей, что обусловлено ее целью: первая глава посвящена «государственно-правовому регулированию юридического образования», вторая — системе подготовки преподавательских кадров высшей квалификации. В традиционном ключе, с опорой на обширный круг литературных источников и отдельные нормативные акты, автор характеризует период XVIII столетия как этап «становления отечественного юридического образования» (п. 1.1). Показаны трудности вызревания теоретического системного знания и особенностей университетской подготовки (в Академическом и Московском университетах) юристов в условиях известного противостояния с традиционной практической — «дьяческой» — юриспруденцией. Этапы правительственной политики в области юридического образования в XIX — начале XX в. ученый, в соответствии с уже общепринятым в историографии подходом, связывает с университетскими уставами, давно получившими характеристику верстовых столбов в истории университетов. Так, «четвертым модернизационным этапом правительственной политики», ее «четвертым поворотом» автор называет Общий устав российских императорских университетов 1884 г., действовавший до 1917 г. (с. 93, 274). Говоря о «главных университетских законах», заметим, что в работе использован термин «университетский устав» и применительно к «этапу становления», что также встречается в ряде работ, но назван таковым некий университетский устав 1780 г., который «строго регламентировал ответственность в отношении провинившихся студентов» (с. 39).

Характеризуя политику в области подготовки юридических кадров, автор называет ее и развитие отечественного законодательства «взаимосвязанными составными элементами единого процесса развития Российской государственности» (с. 61). Обращается он и к идеологической составляющей политики. Так, курс правительства Николая I и министра народного просвещения С. Уварова характеризуется как реакционный (с. 63 и далее), а устав университетов 1835 г. как «авторитарный» (с. 208). Оценивая устав 1884 г., особенно в сравнении с предшествующим уставом 1863 г., автор, вслед за многими исследователями, рассуждает о правительственном, министерском влиянии на университеты (с. 96–97 и далее). Анализируя особенности и тенденции в развитии университетской подготовки юридических кадров, ученый призывает к более рельефному,

¹ Галай Ю. Г. Подготовка юристов в университетах Российской империи. Н. Новгород, 2011. 310 с.

² Дмитриев А. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 гг.) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 105.

³ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М., 1998. С. 127.

не «черно-белому» рассмотрению общего исторического контекста, в котором и происходят обозначенные события и процессы в области юридического образования (с. 77).

Примечательно, что один из параграфов монографии посвящен проблемам юридического образования и рефлексии по этому поводу правоведов и педагогов — участников тех событий. Своеобразной «увертюрой» к параграфу является утверждение, что «у наших современников сложилось твердое и устойчивое убеждение о высоком и безупречном юридическом образовании в университетах дореволюционной России». В качестве продолжения предлагается: «Однако отечественные дореволюционные педагоги и юристы-практики не склонны были так считать. Об этом можно судить по публикациям на страницах юридической и иной периодики» (с. 108). С последним можно согласиться, достаточно лишь напомнить о серьезной дискуссии («литературном плебисците») по поводу юридического образования, имевшей место в профессиональной печати на рубеже XIX—XX вв., о чем не так давно снова говорили исследователи¹. Еще сошлемся на одного из участников той самой дискуссии, который в самом начале одной из работ писал: «В последнее время, когда заговорили о реформе наших университетов вообще, в печати нашей иногда особенно критически относились к постановке преподавания в юридических факультетах. В журналах и газетах приходилось читать целый ряд критических замечаний по поводу нашего юридического преподавания. Были даже рассуждения и о полной будто бы его неудовлетворительности. Но ужели эти замечания и рассуждения имеют непоколебимые основания? Ужели действительно мы должны сознаться в несостоятельности нашей системы преподавания права?»²

Полагаем, специалист и просто вдумчивый читатель, равнодушный к юридическому наследию, находящийся в благоприятных условиях несложного к нему доступа, вряд ли испытывает иллюзии по поводу «безупречности» юридического образования в императорской России. В любом случае активная апелляция автора к юрико-педагогическому наследию, в том числе мемуарного толка, только способствует более объективной характеристике юридического образования дореволюционной эпохи. Разве не остро современно звучит утверждение выдающегося ученого Л. И. Петражицкого, приведенное на с. 116, о некоторой (немалой) части научного общества: «Отбив диссертацию, перестают заниматься и интересоваться наукой, отстают от нее или совершенно опускаются»? Среди обозначенных трудностей развивавшегося и, надо сказать, крепнувшего юридического образования в монографии показаны и методические проблемы, и проблемы качества трансляции знаний, и недостаточность методического сопровождения учебных курсов, и проблемы структуры «образовательного стандарта» юристов, соотношения теоретического и практического компонентов. В работе просматривается равнодушие профессорской корпорации к имевшимся трудностям, чему свидетельство — приведенные мнения большого количества известных ученых-юристов (В. Гессена, А. Загоровского, П. Казанского, А. Кистяковского, Л. Петражицкого, Г. Шершеневича и др.).

Не менее интересно ознакомиться с поставленными в исследовании проблемами практической подготовки студентов и материальным и пенсионным обеспечением университетских преподавателей. В п. 1.3 показана эволюция юрико-образовательной повседневности в сторону устройства практических занятий, юридических клиник и приведены рассуждения современников о том, как устроить эти занятия правильно. Пристальное внимание, как видно, автор уделяет проблеме готовности выпускника университета к практической деятельности, что следует, в том числе, из повтора текста (с. 127—128 и 152—153). Апелляция к опыту немецких университетов также весьма обоснованна, тем более что, несмотря на восприятие их со стороны (например, российских

¹ Малков В. П., Дудырев Ф. Ф. Реформа юридического образования: какой она виделась 100 лет назад? // Юрид. образование и наука. 2003. № 3. С. 33—40.

² Есипов В. В. О преподавании права. Варшава, 1901. С. 1.

университетов) в качестве «образца», в профессиональной среде Германии шла активная дискуссия о реформе юридического образования¹.

Проблема же материального и пенсионного обеспечения профессоров в старое время маркирует более глубокую тему — их государственной службы и вообще социально-правового статуса. Эта часть исследования снабжена значительным количеством цифр, почерпнутых из университетских штатов и иных источников; показано соотношение получаемого дохода с общей стоимостью жизни в столицах и периферийных университетских городах, соотношение с доходами представителей других профессий. Не обойдены вниманием автора и проблема недофинансирования университетов, и эволюция способов вознаграждения за преподавательский труд, включая вводившийся институт приват-доцентуры. Затронута и тема, пардон, «лихоимства профессоров»: «Столичная зараза взяточничества не миновала и провинциальные учебные заведения» (с. 168). Вообще же исследователи называют социальный статус преподавателей университетов высоким, отмечая влияние социально-экономических и общекультурных процессов второй половины XIX в.; широкий спектр возможностей для карьерного маневра усилил общую значимость положения профессора в обществе. Русский ученый, как отмечается, мог продвигаться по служебной лестнице, получая высокий табельно-сословно-должностной статус². Профессора становились министрами, в том числе народного просвещения, попечителями учебных округов. К примеру, не менее десятка фамилий преподавателей-юристов встречается в составленном реестре попечителей учебных округов Российской империи³. Однако ученые считали своим долгом не только служение государству, но и собственно служение науке, что также отмечено в работе.

Более рельефной находим вторую часть анализируемой монографии, посвященную важнейшим формализованным способам прирастания кадрового потенциала науки: научным командировкам исследователей и порядку присвоения ученых степеней. И хотя о заграничной подготовке молодых россиян (институте профессорских кандидатов, функционировании семинара по римскому праву в Берлине и Русской филологической семинарии в Лейпциге и др.) в той или иной степени уже рассуждали ученые, обозначение этого сюжета, как часто бывает, полезно для рассмотрения более обширной проблемы. В частности, действительно большой темы «кросс-культуры» и разного отношения к интеграционным процессам. Зарисовки на эту тему в работе также показывают сложности взаимоотношений в контексте «свое-чужое» и, возможно, разного понимания феномена науки (национальная, европейская, всеобщая?). Так, иностранных профессоров, преподававших в Московском университете в XVIII столетии, автор, по сути, называет трансляторами европейской юриспруденции: «Через них европейская юриспруденция пришла в Российскую империю и оказала влияние на формирование отечественного юридического образования, которое для западноевропейских государств, начиная с Древнего Рима, стало основой для поступления на государственную службу» (с. 33). В свою очередь, говоря о молодых россиянах, получивших опыт в заграничных командировках, профессор отмечает, что наряду с ученой степенью они везли на Родину и западноевропейский опыт правового регулирования присуждения ученых степеней (с. 191). К указанным в работе трансляциям можно было бы добавить и иные, формировавшие сложный механизм взаимодействия и взаимообогащения институций науки и образования. Оценивая этап становления подготовки юристов (XVIII в.), автор приходит к выводу, что, несмотря на сильное влияние западноевропейской юриспруденции, отечественная система подготовки уже начинает освобождаться от него; складываются основы российской системы юридического образования, хотя она пока еще «слабая» и «рыхлая» (с. 40).

¹ См., например: *Иеринг Р.* Юридическая техника / сост. А. В. Поляков. М., 2008. С. 150 и далее.

² *Цыганков Д. А.* Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 49.

³ Академия наук в истории культуры России XVIII—XX веков / отв. ред. Ж. И. Алферов. М., 2010. С. 125—134.

Так называемый научный десант иностранных профессоров на землю российского образования при понятном отсутствии собственных кадров имел и свои издержки. Это обстоятельство также отмечено в книге (с. 193–194). Причем, как представляется, проблема была не только в том, что «head-hunters» от правительства или «агенты» в преподавательской среде рекомендовали в российские университеты не всегда тех, кто достоин, но и в незнании языка, столкновениях «профессорских партий» (русской и немецкой, например, в Казани), о чем писали еще дореволюционные исследователи. Должно было пройти время для преодоления таких затруднений. Как видно из архивных документов, не только в начале XIX столетия, но и много позже сохранялось настороженное отношение профессорской корпорации к вызову профессоров из-за границы. Так, совет того же Казанского университета в 1862 г. не усматривал пользы в вызове иностранных ученых по причине незнания ими русского языка (а также плохого знания студентами иностранных языков, что препятствовало общению), а также, ссылаясь на опыт, указывал, что хорошего преподавателя и за границей найти непросто. Впрочем в качестве исключения совет видел возможным приглашать «ученых словен (чехов и пр.)», могущих быстрее и успешнее освоить русский язык¹. В монографии также приведено критическое высказывание Г. Слиозберга в адрес «научных десантов» молодых россиян, из-за которых отечественная юриспруденция строилась на магистерских и докторских диссертациях, выполненных на немецкий лад. Якобы по этой причине отдавалось предпочтение уголовному праву и процессу, науке криминалистики, прекрасно разработанным в Германии, в ущерб другим наукам, для развития которых и путешественники с научными целями, и в целом факультеты сделали мало (с. 211–212). Представляется, что в данном случае речь идет о самой науке, сложных закономерностях ее развития, на которые, быть может, и влияли научные путешествия, но отнюдь не в первую очередь.

Небезынтересными показались частные сюжеты об историко-правовой науке: от показанных размышлений профессуры о сложности восприятия историко-правовых курсов студентами младших курсов (с. 125) до описания проблемы организации разрядов наук при соискании ученых степеней, когда предметы историко-правовых кафедр возводились едва ли не во второстепенные (с. 267–269). При исследовании института присвоения ученых степеней в университетах Российской империи автор указал на отсутствие дефиниции слова «диссертация» в соответствующих узаконениях (с. 219).

Характеризуя монографию как важную в актуализации юридико-педагогического наследия, хотелось бы все же выразить некоторое сожаление в связи с тем, что в числе источников, на которых она построена, не нашлось места архивным документам. Не всегда понятно и исследовательское отношение к описываемому. Это заметно как в вопросе о времени (периоде) формирования системы подготовки юристов (с. 77), так и, к примеру, в характеристиках отдельных представителей профессорской корпорации. Такой «казус» случился с профессором Д. И. Мейером: в одном месте он показан как беспечный методист (с. 115–116), а в других – как методист замечательный (с. 118, 195). Не хватало подробностей, уточненного авторского мнения, аргументов при выстраивании параллелей анализируемого материала с современной проблематикой (например, с. 159–160). Но это уже, пожалуй, общее место в историко-правовых работах, поскольку в истории пытаемся найти ответы на острые вопросы современности, а из историко-правовой тематики вытягиваем «практическое значение и применение», всеми силами ее осовремениваем, даже там, где она и так «вне времени», ценна сама по себе.

¹ «Ученые нередко слишком хладнокровно смотрят на свою обязанность просвещать русское юношество и ставят ее на второй план», — указывалось в одном из документов об иностранцах (Из донесения ректора Е. Г. Осокина исправляющему должность попечителя Казанского учебного округа князю П. П. Вяземскому. Казань, 28 апреля 1862 г. // Вишленкова Е. А., Галиулина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012. С. 536–537).

Безусловно, монография представляет интерес не только для специалистов, но и для читателей, неравнодушных к истории отечественного научного знания, к традициям российских императорских университетов и их юридических факультетов. Значительный спектр научно-литературных источников, обобщенных в настоящей работе, демонстрирует рефлексию исследователей разных эпох по поводу университетского юридического образования в дооктябрьской России.

Научное издание, посвященное 300-летию М. В. Ломоносова¹, продолжает тему университетского юридического образования и науки в России. Особенностью работы стало соединение монографического описания истории ведущего центра российской юриспруденции, каковым являлся юридический факультет Московского университета в разные эпохи, с хронологической летописью его истории. Последняя заняла большую часть исследования (с. 231–621), во многом составив его «изюминку», предоставляя возможность самому читателю увидеть и оценить как опорные события, так и менее заметные факты образовательно-научной повседневности. Читатель может сформировать свой образ факультета в обширном контексте российской (и не только) истории и культуры. Высокий тон работы задан неравнодушным пассажем из предисловия: «Юридический факультет был для учащихся не только учебным заведением и местом работы. Он был храмом, в стенах которого постоянно звучали слова о высоком предназначении человека, о призвании правоведа служить благу Отечества и быть приверженным правде и справедливости» (с. 6). В «постоянстве звучания» этих слов может убедиться читатель, как знакомясь с теоретическим описанием истории факультета, так и «путешествуя» по летописи.

Монографическая часть издания подготовлена В. А. Томсиновым и П. Л. Полянским. Стержнем описания досоветского периода факультетской истории стала периодизация, весьма распространенная в работах по истории юридического образования и науки, использованная и в других работах профессора В. А. Томсинова и перекликающаяся с подходом в проанализированной выше работе. Вписанные в общеисторический и историко-культурный контекст узаконения (указ 1755 г., утвердительная грамота 1804 г. и университетские уставы XIX в.) находятся в ее основе. Во второй половине XVIII в. (гл. 1) обособлены «период формирования» (50–60-е гг.) и «период становления» (70–90-е гг.). Главы 2–4 и 6 показывают смену университетских уставов, отражавших правительственную политику в сфере высшего образования и ведущих к трансформации учебных программ, оказывая определенное влияние на развитие юридических наук. Анализируя указ императрицы 1755 г. об учреждении университета, в котором, в частности, выражалась надежда на воспитание и обучение молодых людей, пригодных для государственной службы и для умножения славы Отечества, автор отмечает: «Очевидно, что главную роль в подготовке таких лиц призван был играть юридический факультет...» (с. 14). Рассмотрены вклад в отечественную юриспруденцию и подготовку юристов «варягов» (иностранцев профессоров), выращивание научных кадров «из природных россиян» (С. Десницкий, И. Третьяков), научно-педагогическая деятельность первого законоискусника З. Горюшкина и многочисленные трудности, сопровождавшие функционирование юной институции.

Развитие факультета в XIX – начале XX в. описано в рамках весьма ладной «матрицы»: в каждом периоде анализируется соответствующий устав и закрепленное в нем университетское устройство, учебные программы факультета, характеризуются профессорско-преподавательский корпус, его усилия на образовательной и научной ниве. Примечателен использованный в работе сравнительный подход, когда сопоставляются образовательные стандарты для юристов, содержащиеся в высочайше утвержденных узаконениях разных периодов (с. 59–61, 140–142). При характеристике стандарта уста-

¹ История юридического факультета Московского университета (1755–2010). 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. А. Томсинов. М., 2011. 640 с.

ва 1863 г. отмечается, что представленная в нем новая классификация наук «в большей мере соответствовала достигнутому к тому времени в России уровню развития научной юриспруденции», «в основе своей» она «сохраняется и в современном российском правоведении» (с. 142). Трудно не согласиться с утверждением о том, что историко-правовые науки, наряду с энциклопедией права, правом римским, составляли фундамент юридического образования и именно устав 1863 г. способствовал его расширению (с. 142). Солидаризуемся с оценкой выделения процессуальных наук в качестве самостоятельных, которое было обусловлено как закономерностями развития самой науки, так и серьезным влиянием Судебной реформы (с. 135, 141, 149–150).

Заслуживает внимания сюжет об отношении факультета к организации разрядов (отделений). Эта тема, возникшая в университетском юридическом пространстве еще в предреформенную эпоху, была актуализирована в 1860-е гг. Оценивая по просьбе министра инициативу Казанского университета о разделении юридического факультета на отделения государственных и юридических наук, факультет серьезно критиковал эту идею (с. 145–148). О просуществовавшей до 1878 г. практике разделения факультета в Казанском университете, инициированного Министерством народного просвещения, писала И. А. Емельянова, отмечая, что оно не принесло существенной пользы¹.

Небезынтересным оказался очерк об организации на факультете практических занятий, основанный на архивных документах: названы цели вводимых новаций, технология, темы и т. д. (с. 181–185). Как указано, «...в дополнение к лекциям здесь в 1899/1900 академическом году были введены практические занятия» (с. 181). Из хронологической летописи, где дана ссылка на отчет Московского университета за 1885 г., узнаем, что в весеннем полугодии 1885 г. практические занятия на факультете проводились под руководством профессоров Н. П. Боголепова, М. М. Ковалевского, А. И. Чупрова, а в первом семестре 1885/1886 учебного года – под руководством профессора П. Н. Мрочек-Дроздовского (с. 349). Тема практических занятий затронута и далее в летописи (с. 380–381); она приобретает нынче, в условиях новой образовательной реальности, где самостоятельная работа студентов – один из главных пунктов, особое звучание. Отсюда такой интерес к прежним эпохам, что видно и из предыдущей монографии. О том, что практические занятия как нововведение принимались не сразу и не всеми профессорами-юристами, мы узнаем из разных источников. Однако это была вообще более общая проблема, одним из примеров чему может служить случай из практики родственного гуманитарного факультета. Так, служившему в Киевском университете с 1876 г. доценту И. В. Цветаеву студентами была устроена обструкция. Преподаватель (впоследствии известный ученый, известный организатор музеев, известный отец) пытался превратить свои лекции в подобие семинара, раздав домашние задания по переводу речей Цицерона. Часть студентов восприняли это как оскорбление и подбили других на забастовку, за что и были (ненадолго) отчислены решением профессорского суда².

Самостоятельная глава посвящена Московскому юридическому обществу (гл. 5). К юридическим обществам дореволюционной России имеется определенный исследовательский интерес, они становились и темой диссертации, однако ее вряд ли можно назвать исчерпанной. Остается выразить сожаление, что в предпринятом издании материал на эту тему оказался кратким (с. 158–163).

Сложная проблема иностранного влияния (шире – кросс-культуры), о которой уже шла речь, неизбежно возникает перед читателем и при знакомстве с настоящим изданием. Мнения о малой ценности опыта обучения юриспруденции в западноевропейских

¹ Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 год. Очерки. Казань, 1998. С. 66–71.

² Баранов А. Н. Новые материалы к биографии И. В. Цветаева // Семья Цветаевых в истории и культуре России: XV междунар. науч.-темат. конф. (Москва, 8–11 октября 2007 г.) / отв. ред. и сост. И. Ю. Белякова. М., 2008. С. 43–44.

университетах для России (с. 52), но о большом влиянии на русскую теоретическую юриспруденцию рубежа XVIII–XIX вв. доминировавшей в Западной Европе в XVIII в. доктрины «естественного права» (с. 66), а также дважды приведенное высказывание Ф. М. Дмитриева о важности изучения иностранного законодательства и опыта общественного устройства других народов (с. 128 и 143) – поводы для размышлений.

Значительный интерес вызвала глава, посвященная советскому периоду жизни факультета (автор – доцент П. Л. Полянский). Показанные узаконения новой власти, создание ФОНа, Института советского права (впоследствии – правового института), восстановление юридического факультета в составе МГУ в 1942 г. – страницы большой советской истории. Пример одного из юридических факультетов – повод для глубокого осмысления «связи времен» и преемственности научной традиции, характера трансформаций образовательно-научной политики государства вообще. Коренным переломом в истории отечественного юридического образования, проявлявшемся в демонтаже старой системы и формировании новой, советской модели профессионального образования, называют период 1917 – начала 1940-х гг. исследователи¹. Автор раздела пишет, что революция 1917 г. коренным образом изменила систему преподавания на юридическом факультете и научную жизнь в Московском университете. При этом уточняется, что перемены были постепенными, резкие скачки в руководстве старейшим учебным заведением отсутствовали, плана преобразований не было (с. 192).

Существование кафедры церковного права юридического факультета 1-го Московского университета в условиях провозглашения отделения школы от церкви (с. 195), перестройка учебных планов (с. 198–202), судьба бригадно-лабораторного метода как образовательной технологии (с. 215–216) – лишь немногие интересные сюжеты из тех, что показаны в работе. Проблема вхождения в новую жизнь и новую образовательно-научную повседневность дореволюционных профессоров и преподавателей в условиях звучания тезиса «обойдемся без одряхлевшей профессуры, позовем талантливую молодежь»² неизбежно поднимается в работе (с. 193, 204–205 и далее). С сожалением отмечаем, что послевоенный период в жизни факультета обозначен кратко, контурно; в общем-то, раздел показался не совсем завершенным.

Авторы-составители «Хронологической летописи» (научные сотрудники Музея истории юридического факультета МГУ Г. Н. Рыженко и С. А. Яблоков) отметили, что в ее основе – экстракты из Летописей Московского университета двух изданий; кроме того, были использованы материалы Музея, различные опубликованные источники и значительное количество извлеченных из архивохранилищ документов (с. 637). Богатство источников позволило в полной мере показать разнообразие факультетской жизни, вырастание его, противоречия, судьбы многих людей. Рапорт 1768 г. об успехах и прилежании студентов на имя императрицы (с. 239), правила для годовых экзаменов 1834 г. (с. 277–278), распределение предметов по уставу 1835 г. (с. 283–284), сведения о допуске к защите и защитах диссертаций (с. 305, 332, 374–375 и др.), ходатайство факультета о создании кафедры гражданского судопроизводства 1868 г. (с. 323), выступление В. Н. Лешкова на I съезде юристов (с. 333), План 1906 г. предметной системы преподавания (с. 398–399), сбор юристами 1-го МГУ в 1918 г. на местах сведений о деятельности советов (с. 441), учебный план ФОНа (с. 456–457) и более поздние учебные планы (с. 474–475) – обо всем интересном и не сказать. Отмечено в летописи и открытие в 2000 г. Музея факультетской истории (с. 591).

¹ См., например: Яцук Т. Ф. Советское юридическое образование (1917 – 1930-е гг.) // «Изучать юриспруденцию яко прав искусство»: Очерки истории юридического образования в России (конец XVII в. – XX в.) / под ред. В. В. Захарова, Н. Н. Зипунниковой. Курск, 2008. С. 97.

² Красовицкая Т. Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917 – 1920 год. М., 2002. С. 138–146.

Особо хотелось бы обратить внимание на широту интересов факультетской профессуры, зафиксированную в хронологическом повествовании. Так, Н. Н. Сандунов и Л. А. Цветаев выступили соучредителями Общества любителей российской словесности, а Д. Е. Василевский, Ф. Л. Морошкин приняли активное участие в его работе (с. 258). В открытии VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.) от факультета участвовал М. М. Ковалевский (с. 347), он же и ряд его коллег выступили инициаторами создания Психологического общества при университете в 1885 г. (с. 349). В работе XIV Археологического съезда в Чернигове (1908 г.) принимали участие Д. Я. Самоквасов и А. Н. Филиппов (с. 405); последний был командирован в качестве делегата и на Археологический съезд в Москве в честь 300-летия царствующего дома (с. 419). В 1881 г. юридический факультет приглашался к участию во Всероссийской промышленно-художественной выставке. В отделе научно-учебных предметов должны были представляться ученые работы и работы студентов (с. 343).

Интересными показались сведения о подготовке и праздновании университетских и факультетских юбилеев; да и само издание, как видно, носит юбилейный характер. На полувековом юбилее Л. А. Цветаевым читалась речь «О взаимном влиянии наук на законы и законов на науки» (с. 252); 12 января 1830 г. проходило торжественное собрание по случаю 75-летия университета (с. 271). В 1834 г. совет университета приступил к сбору сведений для составления истории университета и его округа (с. 277); в ноябре 1853 г. в рамках подготовки к 100-летию университета факультетом было принято решение о составлении биографий профессоров-юристов (с. 303). В декабре 1895 г. ректор предложил факультетам собрать материалы по истории кафедр и учебно-воспитательных учреждений за третье пятидесятилетие (с. 371). В ноябре 1903 г. в рамках подготовки к празднованию 150-летия была создана специальная Юбилейная комиссия (под председательством В. О. Ключевского) (с. 393); празднования же были отменены из-за событий 9 января 1905 г.¹, торжественное собрание состоялось в Париже в стенах Высшей русской школы общественных наук (с. 394–395). И 175-летие – в советской России и во Франции (с. 480–481), и празднование большого 200-летнего юбилея (с. 511–512), и подробности недавнего 250-летия (с. 603–606) – все эти важные вехи большой истории университета и факультета отражены в документальной хронике.

В заключение отметим, что имеющиеся отсылки к современности, даже вписанные в контекст повествования (к примеру, о низком уровне современных абитуриентов – с. 192), к идеальной конструкции «настоящего юридического образования» (с. 113)² подтверждают мнение о сложности любого разговора об истории образования и науки в отрыве от нынешних реалий. Вся работа пронизана уважением к упомянутым в ней ученым и преподавателям разных эпох, что и составляет славу не только факультета и университета, но и всей отечественной науки.

О коллективной монографии, изданной в Ярославском университете чуть раньше³, также хочется сказать в связи с тем, что большая часть этой интересной книги посвящена истории еще одного центра подготовки юристов и правоведения в стране, а также по причине приглашения ее авторами к актуальному разговору о школах в юриспруденции. В лаконичном вступлении намечены контуры возможной дискуссии вокруг серьезного

¹ См. также: Цыганков Д. А. Указ. соч. С. 14–15.

² «Настоящее юридическое образование должно быть направлено не только на познание действующего законодательства, но и на усвоение юридического языка (понятийного и терминологического аппарата юриспруденции), на постижение логики юридического мышления, уразумения устойчивых, существенных признаков правовых институтов, их взаимосвязей друг с другом и закономерностей функционирования в различных общественных условиях, на выработку практических навыков формулирования и толкования правовых норм, их классификации и систематизации, приемов и способов обработки правового материала», – читаем в издании.

³ Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушникова, Н. Н. Тарусиной. Ярославль, 2009. 834 с.

наукоедческого концепта «научная школа», названы компоненты, позволяющие авторам говорить о самостоятельности ярославской школы, а также сделано важное уточнение о том, что принадлежность к школе — этап научного и педагогического творчества (с. 4). И если в последние годы звучит полемический тезис о научных школах в традиционном понимании как об «угасающей и вспомогательной форме организации научных исследований»¹, то в историческом аспекте полная лакун тематика познания становления и институционализации научных школ имеет немалые перспективы.

Однако прежде чем рассуждать о научной(-ых) школе(-ах) в подаче авторов работы, небезынтересно акцентировать внимание на специфике учебного заведения, из которого выросал нынешний университет, носящий имя П. Г. Демидова. Этому посвящены две первые части монографии. Цепочка «училище высших наук — юридический лицей — университет — возрожденный университет» скрупулезно и выразительно выписана исследователями.

Образованное в начале XIX в. по инициативе и на средства П. Г. Демидова учебное заведение, чьи аттестаты были законодательно приравнены к аттестатам (дипломам) университетов в 1811 г.², находилось в ареале влияния Московского университета (его учебном округе) и в 1833 г. было переименовано в Демидовский юридический лицей. Непростым, как показывают авторы, был вопрос о соотношении статуса училища-лицея с университетским статусом. Изначальная идея о создании в Ярославле университета была неосуществима в связи с близостью Московского университета (с. 9), до 1824 г. училище непосредственно управлялось им (с. 26). Преобразование училища в учебное заведение юридического и камерального профиля (лицей) в 1833 г., как отмечается, не давало ему ни выгод, ни преимуществ, а статус его даже понижался (с. 27). Возвышение лицейского статуса пришлось на эпоху Великих реформ, когда Временным уставом 1868 г. на лицей были распространены права и преимущества университетов, а также предписывалось создать 10 юридических кафедр (с. 59–60). По выпуску студентов-юристов лицей к концу столетия занимал первое место после столичных университетов, но не воплотилась в жизнь идея превращения лицея в юридическую академию, несмотря на активные попытки, лицей не преобразовали в университет и в начале XX в. (с. 71–72, 77–78, 113–115).

Значимой представляется глава работы, посвященная анализу лицейской концепции подготовки юристов. В первооснове концепции — идеи профессорско-преподавательского корпуса и особенно директора М. Н. Капустина о недопущении трансформации лицея в специальную юридическую школу для подготовки чиновников юстиции и администрации и о широком предназначении правоведения. Подготовленность к практической деятельности обуславливается, полагал Капустин, именно широкой теоретической подготовкой. Один из тезисов профессора Капустина, приведенный авторами работы, процитируем в силу его актуальности во все времена: «...Не буква закона, не знание статей законодательного кодекса должны быть целью изучения, а способность понять смысл и значение отдельных дробных положений кодекса. Как бы ни было совершенно законодательство, оно никогда не представляет собою последнего слова юридической жизни народа, в нем никогда не сосредотачивается весь материал права. Если юрист ограничивается изучением действующих законов, то он не в состоянии будет отнестись к ним свободно, осветить их светом научных начал, внести свою долю в дело их усовершенствования» (с. 119). Важное место в концепции занимала идея сотворчества преподавателей и студентов, следовательно, совершенствования форм их взаимодействия.

¹ Ильин А. В. Научная школа в юриспруденции // Правоведение. 2011. № 3. С. 261. Автор, в частности, пишет: «Научная школа как субординационно-координационная форма научной деятельности малых научных коллективов по-прежнему востребована и жизнеспособна. Вместе с тем характерные для ее сущности авторитарные начала и традиционализм вступают в противоречие с динамизмом современной науки и общества в целом».

² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 31. № 24483.

Авторы монографии приводят рассуждения лицейских педагогов о лекциях и практических занятиях, осмысливают практический опыт внедрения этих форм работы, а также репетиций, творческих работ лицеистов (годовых сочинений), чтения спецкурсов методологического характера и т. д. Анализируются издание методических руководств лицейскими преподавателями, трансляция ими непреходящего значения работы с источниками для будущих юристов-профессионалов. Показаны особенности преподавания в лицее историко-правовых курсов и значение исторического подхода к познанию права, а также римского и гражданского права, поставленных в центр обучения будущих юристов. Исследователи акцентируют внимание на связи обучения и воспитания, на формировании профессиональных качеств у студентов лицея. Кроме того, отмечено, что научная специализация дореволюционной профессуры «не имеет ничего общего с сегодняшней прискорбной „узкопрофессиональностью“ преподавателей» (с. 162).

Хочется отметить отдельные сюжеты, которые показаны «пунктирно», но являются, полагаем, важными для осмысления традиций юридического образования. В частности, анализируя учебное руководство В. А. Юшкевича 1900 г., авторы монографии пишут: «Насаждаемая Министерством народного просвещения система высшего образования по-прежнему, если не в большей степени, нацеливала на пассивное усвоение научных истин, на „обогащение“ памяти суммой сведений, необходимых специалисту. Приходилось по-прежнему отстаивать приоритет знания, доказывать недостаточность лекционной формы преподавания для научного становления юриста» (с. 148). Описываемая политика МНП нуждается, однако, в более рельефном анализе. Приведенные же на страницах монографии мнения лицейских преподавателей о формах и методах преподавания права демонстрируют их вклад в плодотворный «литературный плебисцит», развернувшийся среди профессиональной общественности на рубеже XIX–XX вв. Или, к примеру, короткая зарисовка о вводимых в российских университетах разрядах (специализациях). В работе отмечается, что лицей не страдал, подобно юридическому факультету Казанского университета, от навязанного Министерством народного просвещения разделения преподаваемых наук на юридические и административные (с. 139). Далее описывается деление предметов на главные общие, главные специальные и вспомогательные. Дано и критическое мнение М. Н. Капустина, знакомившего общественность в своих работах с зарубежным опытом подготовки юристов, о бытовавшем в ряде зарубежных университетов делении курсов на образовательные и факультативные: дескать, иерархия между науками немыслима. Неоднозначный опыт введения специализаций в отечественных университетах не может, однако, исчерпываться только одним университетом и требует значительно более пристального внимания, такая задача поставлена в одной из работ, упомянутых ниже.

Небезынтересной видится реконструкция хронологически малого, но важного и сложного периода истории вуза, когда из лицея его преобразовали в университет в первые годы новой власти: скромная историография, но представительные архивные материалы позволили сделать вывод о безусловном правопреемстве ЯрГУ по отношению к Демидовскому юридическому лицей (с. 165, 174). Как вписана судьба личности, судьба вуза в историю страны, ярко показано в этой части работы. Выращивание университета из моновуза, организация ФОНа, появление других факультетов (медицинского, педагогического и пр.), работа «старых» профессоров (В. Н. Ширяева, Н. Н. Полянского, В. Г. Щеглова и т. д.) в новых условиях, с новым студенчеством и итог: «новая образовательная политика» привела к закрытию университета (и юридического факультета) в 1924 г. ...Возрождению университета, а с ним — и юридического факультета в позднесоветское время посвящена гл. 5 исследования.

Анализ богатого фактического материала об эволюции научной школы (или школ) в Ярославле сосредоточен в 3-й и 4-й частях работы. В соответствии с «внешней» историей вуза становление научных школ показано в хронологических рамках второй по-

ловины XIX – начала XX в. Речь авторы ведут о 13 научных школах: теории права, истории права, государственного, международного, церковного права, административного и финансового права, римского права, гражданского права и гражданского процесса, уголовного права и уголовного процесса, трудового права и права социального обеспечения. Описывая ярославскую юридическую школу во второй половине XX – начале XXI в., авторы работы показали становление и функционирование 4 кафедр: теории и истории государства и права, гражданского права и процесса, уголовного права и процесса, трудового и финансового права.

При внимательном знакомстве с монографией обнаруживается несколько подходов (критериев) исследователей к понятию «научная школа», демонстрирующих многослойность категории и расширяющих исходные рамки анализа. К признакам ярославской юридической школы они изначально отнесли личностный, материальный и социокультурный компоненты, имевшие там существенные отличия и даже обладавшие уникальностью. Личностным компонентом, в интерпретации авторов, охватываются учителя, ученики, администрация, технический персонал и др. Под материальным понимается материальная база учебного процесса, а под социокультурным – социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение (с. 4). Отмечено также, что к последней четверти XIX столетия лицей «обрел положение одной из крупнейших в России юридических школ» (с. 77).

Категория «научная школа» используется в работе и в других аспектах. Так, в подробном разговоре о ярославской школе уголовного права и процесса (более 130 страниц текста) имеются исследовательские реплики о «классической школе» уголовного права, видевшей задачу своей науки в разработке догмы права. В частности, отмечено, что большинство криминалистов Демидовского юридического лицея принадлежали к классической школе (с. 512), что Н. Д. Сергеевский «всецело принадлежал к классической школе криминалистов» (с. 520). Обозначен и хронологический критерий: В. Н. Ширяев, ставший первым ректором Ярославского университета (1918–1922), назван «воспитанником и активным деятелем *дореволюционной* юридической школы», сохранившим к ней высокое уважение (с. 624). В очерке о финансовом праве отмечено, что последнее стало активно развиваться в введении соответствующих кафедр в период действия университетского устава 1884 г.; в этот период на базе ведущих университетов складывались московская, Санкт-Петербургская, Казанская, Новороссийская и Ярославская научные школы финансового права. Региональные школы в ходе взаимодействия формировали *российскую* школу финансового права (с. 375).

При этом авторы последовательно проводят тезис о принадлежности к школе как этапе научно-педагогической деятельности. Так, в ходе анализа наследия С. М. Шпилевского, «видного историка права» и «ученика И. Д. Беляева и В. Н. Лешкова», почти 20 лет служившего директором лицея, некоторые работы ученого называются, но с оговоркой об отсутствии их подробного обзора, поскольку они не относятся к ярославскому периоду деятельности С. М. Шпилевского (с. 268–269). Д. Г. Тальберг, видный специалист в области уголовного процесса, в ярославский период (1880–1884) не выпустил крупных работ. Посему в книге приведена «представляющая значительный научный интерес» «Вступительная лекция по уголовному процессу», прочитанная и опубликованная в Ярославле (с. 644–647). Преподававший в лицее профессор всеобщей истории права В. В. Сокольский, будучи в Ярославле, опубликовал в 1882 г. в Журнале Министерства народного просвещения статью «О влиянии кельтского и германского права на систему кар и покаяний Западной церкви». О прочих его исследованиях, увидевших свет на страницах официального издания профильного ведомства, сказано, что они относятся уже не к ярославскому периоду научной деятельности профессора (с. 302). К числу «наиболее творчески активных представителей ярославской юридической школы» отнесен выдающийся специалист по истории церкви, богословию, доктор церковного права

Н. С. Суворов. По количеству изданных в Ярославле трудов Суворов — на первом месте среди ярославских ученых (с. 328). Исследуя творчество одного из представителей школы уголовного права, авторы прямо отмечают: «Не умаляя научного значения трудов профессора А. К. Вульфберта в целом, хотелось бы более подробно остановиться на отдельных работах, изданных в Демидовском юридическом лицее...» (с. 513). Такая исследовательская краска очень ярко рисует картину имевшей место в Российской империи (да и впоследствии тоже) миграции (географической мобильности) ученых, вписанных в систему служебных отношений. Подобный сюжет уже оказывался в центре особого внимания специалистов¹.

Подробный разговор о школах университета насыщен не только богатыми библиографическими материалами², но и разнообразными микросюжетами и интересными предложениями авторов книги. Теоретико-правовая школа представлена именами М. Н. Капустина, П. Л. Карасевича, В. Г. Щеглова, Н. И. Палиенко, Б. А. Кистяковского, А. Л. Байкова, Е. Н. Трубецкого, Ф. В. Тарановского — мыслителей, исследователей, чьи труды вписаны не только в российское, но и в мировое юридическое наследие. Авторы издания отмечают, что работы, к примеру, М. Н. Капустина являются прекрасным руководством по изучению «правовой материи», их переиздание «способствовало бы более успешному нашему продвижению в деле правопонимания» (с. 225). Школа истории права показана двумя главными рубриками: история русского права (М. Ф. Владимирский-Буданов, И. И. Дитятин, С. М. Шпилевский, М. А. Липинский) и всеобщая история права (М. Н. Капустин, В. В. Сокольский, В. Г. Щеглов, С. П. Покровский). Особо отмечены при этом историко-правовые исследования представителей специально-юридических наук (Н. Л. Дювернуа, А. И. Загоровского, И. Я. Гурлянда и др.). Трудно не согласиться с мнением, что труд М. Ф. Владимирского-Буданова «Обзор истории русского права» остается лучшим до сих пор (с. 259). Вклад лицейских профессоров в науку всеобщей истории права трудно переоценить; во вступительной лекции по всеобщей истории права В. В. Сокольский «напомнил студентам, что изучаемая ими дисциплина своим названием обязана лицее» (с. 299).

В гл. 8 монографии описаны школы государственного (Н. К. Нелидов, Н. Н. Ворошилов, А. Е. Назимов и др.), международного (М. Н. Капустин, О. О. Эйхельман, А. Н. Лодыженский, Н. Н. Голубев) и церковного (Н. С. Суворов, Е. Н. Темноковский, П. В. Гидулянов) права. Особо отмечено и изучение в Ярославле обычного права (работы П. Л. Карасевича, Л. С. Белогриц-Котляревского, С. Н. Никонова). Стостраничный очерк посвящен становлению и развитию школ административного и финансового права. Упоминается, что преподавание полицейского права впервые было введено в университетах уставом 1835 г. Уточним, что официально устав именовал соответствующий курс «законами полицейскими». Авторы книги выделяют три направления в истории развития науки полицейского права, показывают становление особого этапа в ее развитии — административного права (с. 339–347). И. Т. Тарасов, Э. Н. Берендтс, О. О. Эйхельман, С. П. Петровский, И. Я. Гурлянд, В. А. Гаген — что ни имя, то отдельное слово в науке. Особенностью описания становления науки финансового права и ярославской школы

¹ Подробнее см.: Лоскутова М. В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в.: сб. ст. / отв. ред. А. Ю. Андреев. М., 2009. С. 183–221.

² Библиографическое направление рассматривается как «перспективный исследовательский проект, для реализации которого к настоящему времени имеются необходимые условия» (Яцук Т. Ф. Библиографическое направление в исследованиях по истории права // Кросс-культурные взаимодействия в политико-правовой сфере: история, теория, современность. Доклады и сообщения: материалы Уральских юридических чтений (научной конференции) (1–2 июня 2010 г.) / отв. ред. С. В. Кодан. Екатеринбург, 2010. С. 54–55).

стали краткие зарисовки о формировавшихся в России других региональных школах (с. 375–381). Наряду с работами М. Н. Капустина, И. Т. Тарасова, Э. Н. Берендтса, читатель знакомится с наследием А. А. Исаева, А. Р. Свирщевского. Как в очерке о полицейском (административном) праве, так и в сюжете о праве финансовом авторы повествуют о советском этапе в их развитии и современном облике (с. 372–374, 430–438).

Одним из главных тезисов, характеризующих преподавание римского права в лицее, является утверждение о его высоком уровне, недостижимом для большинства юридических факультетов университетов. Речь также идет о крупных достижениях в области исследования римского права (с. 439). Эти результаты связаны с научно-педагогическим творчеством Н. Л. Дювернуа, Д. И. Азаревича, В. А. Юшкевича и др. Заметим, что изучение римского права отечественными исследователями стало предметом специальных работ, например, М. Авенариуса. К концу XIX в., как известно, статус римского права в подготовке юристов заметно повысился: в образовательном стандарте университетского устава 1884 г. оно поставлено на первое место, а профильное ведомство в одном из своих циркуляров называло его «основанием правовой теории»¹.

Н. Л. Дювернуа характеризуется как один из ученых, заложивших традиции ярославской школы гражданского права (с. 460). В числе цивилистов, составивших школу гражданского права, названы А. А. Борзенко, Л. Н. Казанцев, А. И. Загоровский, Т. М. Яблочков, В. А. Удинцев, школу гражданского процесса – В. М. Гордон, Т. М. Яблочков. Авторы монографии, отслеживая жизненный и профессиональный путь своих героев, подчеркивают принципиальный момент – существование высокой конкуренции на преподавательские должности в лицее (с. 477).

Как уже отмечалось, школам уголовного права и процесса в книге уделено значительное внимание. Авторы указали важное «внешнее обстоятельство», влиявшее на науку уголовного права последней четверти XIX в., – выход книги Ч. Ломброзо и дискуссии вокруг нее. Более чем подробный анализ работ выдающегося правоведа Н. Д. Сергеевского (с. 518–587) сопровождается отсылками к проблемам современности, в том числе к имевшей место приватизации (с. 526, 528, 572). Небезынтересно рассмотрение авторами мнения Н. Д. Сергеевского по поводу необходимых условий для прогресса науки уголовного права (хотя употребление категорий «правильно-неправильно» в оценке идей и суждений профессора несколько диссонирует с общим академическим стилем издания) (с. 532–535). Пионер уголовной политики, положивший начало социологическому направлению в уголовно-правовой науке М. В. Духовской, виднейший представитель этого же направления М. П. Чубинский, а также А. А. Пионтковский, Л. С. Белогриц-Котляревский, Г. С. Фельдштейн (автор «единственного в своем роде исследования исторического хода развития российской науки уголовного права»), В. Н. Ширяев, А. Ф. Зачинский, Н. Н. Полянский, Д. Н. Стефановский, Д. Г. Тальберг составили гордость ярославской юридической школы, российской (и мировой) науки.

Очерк о школе трудового права и права социального обеспечения предваряется тезисом об особом месте в ряду российских ученых-правоведов представителей ярославской юридической школы, и это, как отмечено, касается специалистов практически всех отраслей права и сфер юридической науки (с. 648). Еще одно важное положение: зарождение науки трудового права в России связывается с ярославской школой и творчеством Л. С. Таля (с. 663). В этом последнем очерке о школах представлен материал о советском периоде развития правовых дисциплин, связанных с регулированием трудовых отношений, кратко показано научно-педагогическое наследие А. В. Горбунова, Б. В. Чредина, А. В. Венедиктова, а также воспитанников ярославской школы – специалистов в области трудового права. Совершенно справедливым представляется вывод

¹ Подробнее см.: *Зипунникова Н. Н.* Римское право в «образовательных стандартах» Российской империи: историко-правовая иллюстрация государственной политики в сфере подготовки юристов // Право и образование. 2009. № 10. С. 105–118.

о гуманистической социальной роли современного трудового права и «злободневности трудовправовых конструкций столетней давности, ставящих во главу угла интересы конкретной личности и согласующих интересы конкретного работника, реального производства и демократического государства» (с. 712).

В очерках, посвященных возрожденному юридическому факультету Ярославского университета и его кафедрам, проанализировано наследие ученых, работавших ранее в университете (В. М. Горшенева, Э. А. Пушмина, П. Ф. Елисейкина, Я. О. Мотовилов-кера), и указаны сферы интересов современного преподавательского состава, который продолжает славные традиции. Работа венчается сведениями о профессорах и доцентах, работающих на факультете на момент выхода книги. Издание проиллюстрировано фотографиями университета, портретами ряда профессоров, коллективными фотоизображениями факультетских кафедр.

Заключая представление большой книги, отметим высказанное ее авторами мнение об очевидности того, что юридическое образование само по себе ничего не гарантирует и ни от чего не страхует (см. показанный в начале обзора тезис В. Н. Синюкова). В качестве примеров приведены «антигерои», выпускники юридических вузов до 1917 г.: В. Р. Менжинский, А. Я. Вышинский, Г. И. Ломов (Оппоков), В. П. Антонов-Саратовский, М. С. Кедров и др. (с. 710). Монография, однако, так или иначе показывает «вырастание» юридического образования: от реализации государственной потребности до значительного явления социокультурной действительности. Безусловно, настоящее издание, построенное на комплексе источников, представляет интерес для специалистов, расставляя отнюдь не все точки над «i» в отношении явления «научная школа» («юридическая школа») и формируя тем самым площадку для плодотворной дискуссии.

Юбилейная книга об уральской юридической школе¹ содержит материал об особенностях подготовки юристов и научной деятельности в советские десятилетия и в современной России. Большого формата, нарядное издание отличается обилием иллюстраций (документы и старые снимки, извлеченные из архивохранилищ и личных собраний, современные фотографии и др.). Книгу венчают «поэтические страницы», презентующие творчество преподавателей, выпускников и студентов вуза.

Сохранение традиций уральской школы правоведения названо одним из концептуальных направлений развития УрГЮА. Среди прочих – повышение качества образовательных услуг и расширение образовательного пространства академии; продвижение академии в качестве признанного центра развития теории и методологии юридической науки, исследований фундаментальных проблем государства и права, прикладных разработок в сфере законодательной, правоприменительной деятельности и государственного управления; поддержка ведущих научных школ и создание условий для формирования новых научных направлений (с. 14–15). Соответственно важной частью издания видится рубрика «Интеллектуальное наследие: учебные и научные труды» (с. 719–745). В ней представлен библиографический перечень изданий учебного и научного свойства (учебники и учебные пособия, монографии, сборники научных трудов, материалы научных конференций). Отмечается, что приведенный список содержит «далеко не полный перечень трудов преподавателей СЮИ – УрГЮА, опубликованных за 80-летнюю историю вуза, поскольку этих наименований – многие и многие сотни». Здесь же показаны те работы, что изданы преимущественно в академии (с. 720). Юбилейная книга содержит подробную информацию о периодических изданиях («Российском юридическом журнале», а также газете «Юрист» и др.), где в качестве организаторов и участников задействованы ученые и студенты академии.

Большая часть книги посвящена управлению и организационной структуре вуза. Здесь представлены материалы об Ученом совете, ректорате, институтах и факульте-

¹ История, настоящее, будущее: 80 лет СЮИ – УрГЮА / отв. ред. В. А. Бублик, В. Д. Перевалов. Екатеринбург, 2011. 800 с.

тах, филиалах, кафедрах, научно-образовательных и функциональных подразделениях, а также общественных объединениях (с. 343–717). Подробные очерки о 24 кафедрах содержат информацию о формировании научных школ и передаче опыта от наставников к ученикам, становлении учебно-методической деятельности, кристаллизовавшемся педагогическом мастерстве, международном сотрудничестве (с. 438–605).

Сибирские истоки уральского вуза, вырастание его из факультета Иркутского университета – сюжет, еще требующий исследовательского внимания¹. В книге же отмечено, в соответствии с устоявшейся традицией, что началом (de jure) СЮИ – УрГЮА было постановление ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства». В ходе его реализации и был создан Сибирский институт советского права – единственный на тот момент юридический вуз на востоке страны, в 1934 г. переведенный из Иркутска в Свердловск (с. 20–21). Предложена периодизация истории крепнувшего уральского вуза – предвоенные десятилетия («первые шаги») (1931–1941), Великая Отечественная война, годы восстановления (1945–1954), этап упрочения позиций уральской юридической школы (1954–1992). Последний период (с 24 декабря 1992 г.) – это этап развития Уральской государственной юридической академии как правопреемницы Сибирского института советского права (1931–1935), Свердловского правового института (1935–1937) и Свердловского юридического института (1937–1992).

Отмечено, что осенью 1931 г. на первый курс института было принято 56 человек: 21 рабочий, 15 крестьян, 20 служащих. Студенты учились на двух отделениях: судебно-прокурорско-следственном, готовившем руководящих работников для правоохранительных органов, и исправительно-трудовом, выпускавшем работников ИТУ. На последнем, помимо юридических дисциплин, изучались такие предметы, как производство строительных материалов, организация социалистического предприятия, экономика, теория учета и др. В первом учебном году в вузе было шесть кафедр, на которых работали 14 штатных преподавателей и 16 совместителей. При переезде в Свердловск части преподавателей и первого директора Ю. М. Позана сохранилось три кафедры: социально-экономических и политических наук, советского хозяйственного права, уголовного права и процесса. Указывается, что важную роль в повышении качества подготовки юристов в стране сыграл переход в 1934 г. с трехлетнего на четырехгодичный срок обучения, а также постановление ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования». Учебный процесс приобретал академическую, вузовскую форму, стали читаться новые курсы, выпускники сдавали государственные экзамены. Во второй половине 1930-х гг. в институте работали выдающиеся профессора: В. Н. Дурденевский, С. Ф. Кечемян, Б. А. Ландау, Б. Б. Черепяхин, К. С. Юдельсон, С. В. Юшков. Именно с этим периодом связано формирование основ научных школ, в частности уральской цивилистики. Как и для всей страны, для института это время оказалось сложным: «Под каток сталинской тоталитарной машины попали и студенты, и преподаватели СЮИ»; трагически сложилась судьба первого директора Ю. М. Позана (с. 21–24).

Исторический очерк об испытаниях страны и вуза в военные годы показывает, как в особенных условиях небольшой вуз (к 1941 г. – 29 преподавателей и 325 студентов) продолжал свою работу. Уход на фронт многих преподавателей и студентов, передача общежитий эвакуированным, помощь тылу и фронту, шефство над госпиталем, учеба в две смены, организация военного обучения не остановили учебной и научной деятельности. В вузе преподавали видные ученые Москвы, Ленинграда, Харькова, Минска (А. П. Гагарин, С. М. Гофман, И. И. Ефтихийев, И. И. Крыльцов, Р. П. Орлов, С. А. Розма-

¹ О сложностях и особенностях становления юридического образования в Сибири, в Иркутском государственном университете см.: Казарин В. Н. Становление юридического образования и правовой школы в Иркутском университете. 1918–1931 гг. // URL: http://lawinstitut.ru/ru/about/history_part1.html.

рин и др.), издавались книги (К. С. Юдельсона, С. Н. Абрамова). В 1943 г. открылся диссертационный совет, докторские диссертации защитили И. И. Крыльцов, Б. Б. Черепашин, кандидатские — С. З. Дорфман, К. С. Юдельсон и др. В этой части книги показано, как менялась численность студентов, описаны боевые подвиги студентов, выпускников, преподавателей, содержатся воспоминания участников войны — профессоров М. Я. Кирилловой, В. С. Якушева, доцентов А. С. Добрава, Б. Н. Сергеева (с. 25–35).

Описывая восстановление СЮИ в послевоенное десятилетие, авторы книги пишут об особенной роли в этом процессе постановления ЦК ВКП(б) «О расширении и улучшении юридического образования в стране» (1946 г.). Оно действительно расширялось и постепенно улучшалось. Неизменно рос прием и выпуск студентов, расширялся профессорско-преподавательский состав (в том числе в связи с распределением в институт молодых ученых из вузов Москвы и других городов), увеличивалось число кафедр. Среди поступивших в 1946 г. на первый курс почти четверть студентов были фронтовиками; в числе студентов послевоенных лет было восемь Героев Советского Союза. В эти годы защитили кандидатские диссертации ученые, составившие гордость уральской юридической школы (В. М. Семенов, С. С. Алексеев, Ю. Г. Судницын, Ю. К. Осипов и др.). В 1952 г. докторскую диссертацию по проблемам доказывания в советском гражданском процессе защитил К. С. Юдельсон. Был обращен взор на студенческую науку, из студенческих кружков тех лет вышли профессора С. С. Алексеев, В. М. Семенов, Ю. Г. Судницын, П. П. Якимов, В. Ф. Яковлев. В 1951 г. на базе Свердловского филиала ВЮЗИ, переданного институту, было создано заочное отделение, принявшее на первый курс в 1952 г. 255 человек (с. 36–39).

Интенсивное развертывание фундаментальных и прикладных исследований, формирование научных школ пришлось, как видим из издания, на середину 1950-х — начало 1990-х гг. С 1959 г. стали регулярно издаваться «Записки Свердловского юридического института», с 1964 г. — сборники ученых трудов по общеправовой и отраслевой тематике. Как пишут авторы книги, «научные исследования этого периода характеризовались углубленностью и качеством работы преподавателей, расширением сферы научного поиска». Отмечен и неоценимый вклад в развитие юридической науки преподавателей того поколения — С. С. Алексеева, Г. В. Игнатенко, М. И. Ковалева, А. Ф. Козлова, О. А. Красавчикова, Б. Ф. Ливчака, Д. Д. Остапенко, В. М. Семенова, Б. А. Стародубского, Ю. Г. Судницына, В. Е. Чиркина (с. 40). Подчеркивается, что так называемые застойные годы стали для СЮИ временем наиболее успешного развития как в подготовке научно-педагогических кадров, так и в деле коренного изменения и улучшения научно-исследовательской работы, совершенствования учебно-воспитательного процесса и расширения материальной базы. Приведены данные о защитах докторских диссертаций, осуществлении плановых научных исследований, хозяйственных работ по заказам ведомств, учреждений, предприятий, подготовке ученых для разных вузов страны, участии преподавателей в законотворческой деятельности. В 1976 г. в СЮИ были созданы факультеты судебно-прокурорский, судебно-следственный и правовой службы в народном хозяйстве. В 1981 г. — в год 50-летия — вуз был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Рубеж 1980–1990-х гг. стал для института, как и всей страны, «временем решительных перемен». К этому моменту СЮИ превратился в один из признанных центров юридической науки с шестью факультетами, 20 кафедрами, 27 докторами наук и более 200 кандидатами наук, развитой студенческой наукой (более 60 научных кружков) (с. 41–45). Рельефно показан этап новейшей истории уральского вуза (ставшего академией), творчески воплощающего в жизнь все новеллы в сфере юридического образования, активно развивающего накопленный научный потенциал, широко участвующего в интеграционных процессах в образовательно-научной сфере (с. 46–59).

Яркой особенностью книги стало использование библиографии. Один из ее разделов называется «Люди и судьбы». Приведены 12 очерков о ректорах (директорах)

института-академии. Это и описание трагической судьбы Ю. М. Позана, обвиненного в создании контрреволюционной троцкистской организации и расстрелянного в 1938 г. (реабилитирован в 1958 г.), и короткие зарисовки о руководителях, кратковременно находившихся в этой должности, и сюжет о Д. Д. Остапенко, возглавлявшем вуз в течение 33 (!) лет. Более 70 очерков («Наше настоящее») посвящены профессиональному пути профессоров академии, их научным работам и учебным изданиям. Еще почти полсотни очерков («Наша история») рассказывают о профессорах, в разные годы работавших в вузе (в том числе О. С. Альстере, И. Ф. Герасимове, П. М. Давыдове, В. Н. Дурденевском, С. Ф. Кечекьяне, М. И. Ковалева, К. И. Комиссарове, В. М. Корельском, О. А. Красавчикове и др.). Рубрика «Наша гордость» включает очерки об известнейших людях, чье имя тесно переплетено с alma mater (материалы о С. С. Алексееве, В. Ф. Яковлеве и др.).

Взятый авторами на вооружение «портретный» метод, полагаем, мог бы быть использован при описании профессионального становления и вклада в формирование вузовских традиций не только профессоров, но и доцентов, десятки лет проработавших в СЮИ – УрГЮА. Отчасти речь об этом идет в кафедральных сюжетах. Подытоживая, заметим, что, как и предыдущее издание, показанное в настоящем обзоре, книга способствует продолжению содержательного разговора о научных школах применительно к юриспруденции.

Издание, совсем недавно увидевшее свет¹, возвращает читателя в Российскую империю. Характеризуя работу, в первую очередь хотелось бы сказать об актуализации авторами разговора о важном историческом этапе социокультурного вызревания потребности в юридической профессии в России. Справедливо отмечается, что деятельность юристов постепенно становилась самостоятельной сферой социальной практики (с. 21). И, что не менее важно, в монографии вновь рельефно показана взаимосвязь, взаимообусловленность Великих реформ, в данном случае – судебной и образовательной (университетской), а также последующей их коррекции. Преобразования в этих важнейших сферах общественной жизни, способствовавшие краху устарелых феодальных институций, за полтора столетия получили немало похвал и взвешенных оценок. Новые законы о судах летописец своей эпохи, цензор, профессор, академик А. В. Никитенко назвал «великолепным монументом нашего времени», указав, что они «сначала наделают много суматохи»: «Их не сумеют ни понять, ни оценить, ни применить. Но не должно приходить от этого в отчаяние, как не должно приходить в отчаяние от летнего дождя, который смачивает на вас платье, но приготавливает обильную жатву». Будучи непосредственно погруженным в университетскую среду, он, равнодушный свидетель происходившего, и до принятия нового университетского устава (запись 15 февраля 1861 г.), и после вступления его в силу (заметка от 23 декабря 1863 г.), констатируя «проблему деморализации», отмечал, что университеты и опора на науку есть надежда и будущее страны и общества². В представленной работе палитра настроений и ожиданий, связанных с подготовкой и воплощением в жизнь нового механизма формирования профессиональных кадров для новой судебной системы, авторами показана весьма обстоятельно. Выбор в качестве сферы, куда рекрутировались готовившиеся кадры, именно нового суда обусловлен как масштабностью преобразований, манифестированных 20 ноября 1864 г., так и процессами специализации в государственном управлении³.

Новаторской идеей исследования стал тезис о двухэтапной подготовке кадров для судебных учреждений: первый этап представлял собой обучение юриспруденции в выс-

¹ Захаров В. В., Ильина Т. Н. Система подготовки кадров для органов правосудия во второй половине XIX – начале XX века: моногр. М., 2013. 192 с.

² Никитенко А. В. Записки и дневник. М., 2005. С. 241, 490–491, 595.

³ Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 455.

ших учебных заведениях, а второй – практическую стажировку в качестве кандидата на судебные должности (с. 7, 44, 136, 186–187). Такое предположение обусловило постановку целей и задач исследования, его структуру. Обратим внимание на яркое и, можно сказать, литературное предисловие к работе, а также выделение в качестве самостоятельной части главы о методологических ее основаниях. Трудно не согласиться с утверждением, что наиболее разработаны в рамках заявленной тематики вопросы, посвященные юридическому образованию (с. 8); собственно, настоящий обзор в некоторой степени тому подтверждение. Монографией восполняется определенный пробел в историко-правовой науке, поскольку «имеющиеся работы не дают полной картины становления и развития механизма подготовки кадров для органов правосудия» (с. 14). Она выполнена на основании разнообразных источников, как опубликованных, так и извлеченных из архивохранилищ, четко классифицированных авторами, что позволило рассмотреть оказавшуюся в фокусе внимания исследователей проблематику с разных сторон (с. 14–17).

Взятый в середине XIX столетия курс на буржуазную модернизацию российской действительности привел к увеличению спроса на квалифицированные кадры и вызвал значительный интерес к юридическому образованию. Приведенные и обобщенные в работе статистические сведения о росте количества выпускников университетов и юридических факультетов выступили тому свидетельством (с. 21–25). Сведения эти графически проиллюстрированы: вниманию читателя предложена диаграмма. Еще несколько таких иллюстраций встречаем по ходу работы – по соотношению разных курсов и кафедр в образовательных стандартах университетских уставов, численности старших и младших кандидатов на судебные должности и др.

В работе обрисована так называемая магистратура, т. е. совокупность судебных служащих по уставам 1864 г., и обозначен перечень установленных законодателем требований (цензов) к ним. Особое значение образовательного ценза и определенная конкуренция с ним ценза опытности оказались вплетенными в ткань законодательных конструкций. Обязательность высшего юридического образования только для адвокатов как часть их профессиограммы, а также уступки в этом смысле для председателей судов, их заместителей, судебных следователей и других служащих по судебному ведомству были обусловлены в основном практическими соображениями, осознанием нехватки дипломированных специалистов. Авторы приводят также аргументы в пользу институционализации судебной службы как особой разновидности государственной службы. По мнению авторов, выбранный термин отражает организационно-правовое положение судейского корпуса и выступает показателем положения суда в государственном механизме. Отмечается также, что правовой институт судебной службы находился в начале формирования и этим была обусловлена незавершенность институционализации его элементов (с. 34–35).

Характеризуя первый этап подготовки кадров для нового суда, т. е. развивавшееся юридическое образование, исследователи дали оценку регулировавшему его законодательству, классифицировали учебные заведения, готовившие юристов, охарактеризовали стандарты подготовки и иные важные стороны вузовской жизни. Так, авторами переосмысливается распространенный в литературе сюжет о значительном количестве ведомственных, изданных МНП актов как «мелочной опеке» над университетами; подчеркивается, что отношения в сфере образования порой требуют детального регулирования (с. 47–48). Обзор учебных программ юридических факультетов, апелляция к зарубежным образцам дали основание утверждать, что отечественная высшая юридическая школа следовала континентальной традиции преподавания права; существенные признаки этой традиции обозначены в работе (с. 58–59). Наряду с оценкой содержания образования, введения предметной системы преподавания, уделено внимание всегда актуальным технологическим аспектам концепции юридического образования. Исследу-

ются причины господства лекционной формы занятий, в их числе указан «примат закона в системе источников права» (с. 68). Приведенное обсуждение профессорами (П. Казанским, В. Юшкевичем, В. Ивановским, Л. Петражицким, Г. Шершеневичем и др.) достоинств и недостатков лекционной методы также стало одним из сюжетов монографии.

Исследователями обобщен значительный пласт проблем, затронутых и в показанных выше работах, связанный с модернизацией (в издании – «профессионализацией») юридического образования. Повышение уровня последней осуществлялось, по мнению авторов, посредством двух взаимосвязанных компонентов: внедрения в процесс обучения практических занятий и введения специализаций (с. 80). Отмечено, что среди причин неудачи разделения юридических факультетов на отделения был «несформированный механизм подготовки кадров в Российской империи. Изначальная идея о том, что выпускники юридического отделения будут поступать на службу в судебное ведомство, а административисты – на государственную службу, не оправдывалась» (с. 86). В отношении практических занятий высказан тезис об их гетерогенности: часть из них носила ярко выраженный научный характер (написание и защита рефератов и сочинений, экзегезы, репетиции, собеседования), другие отличались прикладной направленностью (решение казусов, посещения учреждений, клинические занятия) (с. 99).

Сравнение университетских учебных планов и особенностей учебного процесса с таковыми в специальных учебных заведениях (Училище правоведения, Демидовском юридическом лицее, Военно-юридической академии), отмеченная проблема доступа к юридическому образованию женщин и обзор негосударственного («вольного») высшего юридического образования дополнили картину крепнувшей системы подготовки профессиональных юридических кадров. Подробное описание образовательных стандартов, полагаем, выиграло бы от упоминания проектировавшихся в начале XX в. изменений, обсуждавшихся в нескольких комиссиях по переустройству высшей школы.

Несомненно, значительный интерес представляет анализ второго этапа этой подготовки, т. е. профессиональной стажировки выпускников. Институт кандидатов на судебные должности показан как важнейшая новелла Судебной реформы 1864 г. Этот институт был призван решить задачи обеспечения практической подготовки будущих членов магистратуры и восполнения нехватки квалифицированных специалистов для новых судебных учреждений. Функцией института, как отмечено, должно было стать оказание помощи в адаптации к будущей профессиональной деятельности только окончившим вузы юристам (с. 137). Показано изучение реформаторами зарубежного опыта, а также поэтапное юридическое оформление нового института. Два выделенных авторами этапа (1857–1861 и 1861–1864 гг.) различались как пониманием сути реформы, так и руководящими органами, работавшими над проектами преобразований. В динамике демонстрируется правовой статус кандидатов на судебные должности: его эволюция шла по пути усложнения, увеличения объема прав и обязанностей и усиления дисциплинарной ответственности (с. 152).

Среди проблем, прямо влиявших на численность кандидатов, названы невозможность карьерного роста и отсутствие постоянного денежного вознаграждения за службу. Такое положение вызвало к жизни реформу института начала 1890-х гг., юридически оформленную законом от 24 декабря 1891 г. и последующими циркулярами Министерства юстиции. В ходе реформы было предпринято деление кандидатов на старших и младших, определены сроки кандидатского стажа, предусмотрена разносторонняя стажировка кандидатов, а также гарантировано их материальное обеспечение. Несмотря на «половинчатость» реформы, в частности особенности статуса младших кандидатов, авторами констатировано прогрессивное значение законодательства рубежа веков, завершившего оформление организационно-правовой структуры института кандидатуры (с. 157).

Важной видится постановка задачи рассмотреть формы профессиональной стажировки кандидатов; это вопрос из практической плоскости, урегулированный законодательством в самом общем виде. Авторы описывают как опыт Московской судебной палаты, так и практику провинциальных судов, предлагавшиеся проекты совершенствования подготовки кандидатов (И. Тютрюмова, С. Хрулева), отмечают позитивное значение для стажировки реформы 1891–1892 гг. Серьезные преобразования в военно-судебной части обусловили необходимость рассмотрения особенностей правового статуса кандидатов на военно-судебные должности. Интересно, что он был сконструирован более четко, чем гражданская кандидатура: и по определению сроков кандидатского стажа, и по регулированию численности, и по назначению штатного оклада кандидатам. В работе это напрямую связано со спецификой военного ведомства в целом (с. 188). Исследователи делают вывод, что главная цель нового института (практическая подготовка к дальнейшей службе) была достигнута лишь отчасти, сама практика сделала приоритетной проблему восполнения численности, особенно в провинции, судебных следователей, присяжных поверенных и др. Однако его позитивное значение для новой судебной системы и подготовки юриста-профессионала также очевидно (с. 177–178).

Закljučая презентацию новой книги, отметим значимое уточнение ее авторов, связанное с важнейшей традицией отечественной подготовки юриста-профессионала. Речь идет об опоре на науку, на передачу фундаментальных теоретических знаний (с. 55, 190). Ценность такой органической особенности отмечалась многими современниками описанных в монографии мероприятий. Она, полагаем, вряд ли может быть проигнорирована в ходе нынешних и будущих перестроек.

Позволим себе привести весьма «говорящую» цитату из работы В. М. Гордона столетней давности: «Надо создать у нас практическую школу права не по той причине, чтобы академическая школа не давала готовых к роли судьи юристов; практическая школа должна существовать наряду с школою академическою, если б последняя была даже верхом совершенства. Практической школе место не в университете и не при нем, но у самого очага работы судьи, при судебных установлениях. Отдельно стоящая от школы академической, судебно-практическая школа должна быть лишь в соответствии с первой, равно как и обратно. Это соответствие обязывает деятелей учебного ведомства и юстиции к совместной, согласованной работе по организации у нас отсутствующей у нас практической школы. Инициатива ведомства юстиции должна найти живейшее деловое сочувствие в ведомстве просвещения; организация отдельных школ найдет поддержку со стороны местных деятелей академической школы права»¹.

В завершении обзора вновь хотелось бы оптимистично подчеркнуть, что устойчивый интерес исследователей к традициям юридического образования, формирование ими пространства для плодотворной полемики выступают одной из гарантий (пусть даже малой) ликвидации негативных последствий, нередко сопровождающих большие образовательные реформы.

¹ Гордон В. М. Школа права (По поводу реформы юридического образования в Германии) // Журн. Министерства юстиции. 1913. № 1. С. 137–138.

**О НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ
ПРИМЕНЕНИЯ СРОКА ДАВНОСТИ
В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА,
ИЛИ БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ**

Так уж сложилось, что в различных отраслях права сходные случаи, юридические факты облечены в разные юридические конструкции. Не правда ли, хорошее объяснение: «так уж сложилось»?

Вместе с тем применение охранительных норм в современной юридической традиции немыслимо без использования срока давности привлечения к ответственности и назначения наказаний. Может быть, единственным исключением является привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступления¹.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре»² закреплено: «Если суд во время судебного разбирательства придет к выводу о необходимости освобождения подсудимого от наказания по предусмотренным в п. 3 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ основаниям (ввиду истечения срока давности уголовного преследования либо вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенные деяния), суд, постановляя в отношении подсудимого обвинительный приговор, должен в его описательно-мотивировочной части обосновать принятое решение. В резолютивной части приговора, признав подсудимого виновным в совершении преступления и назначив наказание по соответствующей статье уголовного закона, суд указывает об освобождении осужденного от наказания».

Иная ситуация. Пропуск срока независимо от причин — безусловное основание прекращения производства по делу об административном правонарушении (п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). Причиной может быть подтвержденная документально нетрудоспособность лица, в отношении которого составлен протокол об административном правонарушении³.

Недопустимо принятие решения о том, что все предыдущие судебные акты, прекращающие производство по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием состава административного правонарушения, отменяются, и вынесение за пределами истекшего срока давности постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с истечением срока давности⁴.

Подытоживая многолетнюю практику применения законодательства РФ об административных правонарушениях в части реализации норм о сроках давности назначения административных наказаний, Верховный Суд РФ в постановлении от 16 октября 2012 г. № 1-ад12-5 указал, что лицо, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено ввиду истечения срока давности, считается невиновным, т. е. государство, отказываясь от преследования лица за административное правонарушение, не ставит более под сомнение его статус в качестве невиновного и, более того, признает, что не имеет оснований для опровержения его невиновности.

Итак, при освобождении от уголовной ответственности и наказания лицо признается виновным в совершении преступления, а в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении — невиновным. Причем эта норма правоприме-

¹ О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступления: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 г. // Ведомости ВС СССР. 1965. № 39. Ст. 569.

² Бюл. Верховного Суда РФ. 1996. № 7.

³ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2006 г.

⁴ Постановление Верховного Суда РФ от 7 декабря 2005 г. № 15-ад05-1.

нения настолько «вжилась» в юридическое сознание, что уже никто и не помнит, в связи с чем появился такой постулат.

По всей видимости, поставить под сомнение подобное правоположение можно на основании того, что ни в КоАП РФ, ни в каком-либо ином акте законодательства об административных правонарушениях нет нормы о том, что истечение срока давности назначения административного наказания влечет невиновность лица в совершении административного правонарушения, ибо логично, что невиновность может быть связана с отсутствием виновности, т. е. признаков, определенных в ст. 2.2 КоАП РФ; производство по делу об административном правонарушении в таком случае может быть прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ. Более того, постановлением Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ (согласно которому начатое производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению вследствие истечения сроков давности привлечения к административной ответственности) признан не противоречащим Конституции РФ, поскольку по конституционно-правовому смыслу не предполагает возможность отказа в таких случаях от оценки обоснованности выводов юрисдикционного органа о наличии в действиях лица состава административного правонарушения. Очевидно, что вопрос о виновности или невиновности лица в совершении административного правонарушения должен стать самостоятельным предметом оценки юрисдикционного органа (должностного лица), судьи (суда), иначе бы следовало норму п. 6 ч. 1 считать частным случаем п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Если постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности либо решение по результатам рассмотрения жалобы на это постановление обжалуется лицом, в отношении которого составлялся протокол об административном правонарушении, настаивающим на своей невиновности, то ему не может быть отказано в проверке и оценке доводов об отсутствии в его действиях (бездействии) состава административного правонарушения для обеспечения судебной защиты прав и свобод этого лица (ч. 3 ст. 30.6, ч. 3 ст. 30.9 КоАП РФ).

В п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Трудового кодекса Российской Федерации»¹ достаточно подробно рассматриваются правила применения сроков давности назначения дисциплинарных взысканий, в частности:

«а) месячный срок для наложения дисциплинарного взыскания необходимо исчислять со дня обнаружения проступка;

б) днем обнаружения проступка, с которого начинается течение месячного срока, считается день, когда лицу, которому по работе (службе) подчинен работник, стало известно о совершении проступка, независимо от того, наделено ли оно правом наложения дисциплинарных взысканий».

В чч. 4 и 5 ст. 58 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»² приводятся сходные правила:

«4. Дисциплинарное взыскание применяется непосредственно после обнаружения дисциплинарного проступка, но не позднее одного месяца со дня его обнаружения, не считая периода временной нетрудоспособности гражданского служащего, пребывания его в отпуске, других случаев отсутствия его на службе по уважительным причинам, а также времени проведения служебной проверки.

5. Дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев со дня совершения дисциплинарного проступка, а по результатам проверки финансово-хозяйственной деятельности или аудиторской проверки — позднее двух лет со дня со-

¹ Бюл. Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

² СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

вершения дисциплинарного проступка. В указанные сроки не включается время производства по уголовному делу».

Взыскания за коррупционные правонарушения применяются в ином порядке (ст. 59³ Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ»). Правда, неясно, в чем состоит отличие. Попытки замаскировать перечисленные в ст. 59¹, 59² меры ответственности под особые средства государственного принуждения, думается, не удалось, так как физические лица, в том числе государственные гражданские служащие, согласно ст. 13 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность, а иных видов нет. Замечание, выговор и предупреждение о неполном служебном соответствии могут применяться как дисциплинарные взыскания и как взыскания за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Дополнительным взысканием за коррупционные нарушения может быть увольнение в связи с утратой доверия, однако остальные меры включены в гл. 12 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ», регулиующую служебную дисциплину.

Статья 59³ Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ» закрепляет:

«1. Взыскания, предусмотренные статьями 59¹ и 59² настоящего Федерального закона, применяются представителем нанимателя на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а в случае, если доклад о результатах проверки направлялся в комиссию по урегулированию конфликтов интересов, — и на основании рекомендации указанной комиссии...

3. Взыскания, предусмотренные статьями 59¹ и 59² настоящего Федерального закона, применяются не позднее одного месяца со дня поступления информации о совершении гражданским служащим коррупционного правонарушения, не считая периода временной нетрудоспособности гражданского служащего, пребывания его в отпуске, других случаев его отсутствия на службе по уважительным причинам, а также времени проведения проверки и рассмотрения ее материалов комиссией по урегулированию конфликтов интересов. При этом взыскание должно быть применено не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении коррупционного правонарушения».

Каким же образом можно однозначно установить, что имеет место коррупционное правонарушение, если в момент поступления информации решение еще не принято? Кроме того, вместо устоявшегося порядка исчисления сроков давности с момента совершения или обнаружения правонарушения законодатели ввели правило оперативной юрисдикции, поскольку «информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления» (п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») в силу ее наличия требует незамедлительного проведения проверок, расследований и т. п.

Иначе говоря, несостоятельны любые разглагольствования о том, что если коррупционное правонарушение будет обнаружено через месяц, полгода, 50, 100 и более лет с момента его совершения, то это обстоятельство никак не повлияет на возможность назначения взыскания. Ничего подобного в законе нет: срок давности будет исчисляться с момента поступления соответствующей информации. Однако остается вопрос к законодателям: от кого и кому должна поступить информация? В большинстве случаев ясно, что срок начнет исчисляться с момента поступления заявления от государственного служащего, информации от органов государственного контроля (надзора), правоохранительных органов, прокуратуры, суда, а равным образом в указанные органы, со-

общений средств массовой информации и других возможных источников: есть сигнал, реагируйте в течение месяца.

Однако есть один случай, который требует пристального внимания и законодателей, и правоприменителей. Речь идет о предоставлении государственными служащими сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Федеральные государственные служащие предоставляют такие сведения ежегодно, не позднее 30 апреля года, следующего за отчетным¹. Сведения подлежат проверке, государственный служащий может предоставить уточненные сведения в течение трех месяцев после окончания названного срока. Если государственный служащий подает неполные и недостоверные сведения, а также отказывается их уточнить в течение трех месяцев, то срок давности будет исчисляться с момента предоставления первичных сведений.

Предвидим возражения, что факт подачи сведений не следует рассматривать как поступление информации о совершении гражданским служащим коррупционного правонарушения. Ничего подобного: во-первых, факт поступления информации налицо, во-вторых, если некачественно проведена проверка поступившей информации, то не вина государственного служащего, что коррупционное правонарушение не выявлено своевременно уполномоченными должностными лицами государственного органа.

Еще одна проблема связана с недопустимостью поступления на отдельные виды государственной службы (например, в полицию, следственные органы) лиц, имеющих судимость, в том числе снятую или погашенную. За давностью лет отдельные преступления, закрепленные прежде в уголовных кодексах РСФСР и иных союзных республик, современным уголовным законодательством не признаются таковыми: давно канули в Лету спекуляция и незаконные валютные операции, некавалифицированное хулиганство, организация азартных игр и множество других. Абсурдная ситуация — преступлений нет, а судимость есть, причем влекущая запрет на профессию.

Итак, при истечении срока давности привлечения к ответственности лицо может быть признано виновным (уголовное законодательство), невиновным (законодательство РФ об административных правонарушениях; с оговоркой, что вопрос о невиновности может быть обсужден отдельно); виновность может быть не очень значима (проступок не наказуем, но учитывается при аттестации) или не иметь значения (законодательство о государственной службе). Так уж сложилось.

*Д. В. Осинцев,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории
и практики управления Уральской государственной
юридической академии (Екатеринбург). E-mail: tipu@list.ru*

¹ Пункт 3 Положения о предоставлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера: утв. Указом Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 559 // СЗ РФ. 2009. № 21. Ст. 2544.

А. В. Саленко*

ГОРЕ ОТ УМКА¹

Анализируются проблемы, возникающие у преподавателей высших учебных заведений при составлении учебно-методических комплексов (УМК), которые превратились в обязательную часть учебного процесса российских вузов. Предпринята попытка разобрать подробно существующие недостатки УМК, обусловленные их жесткой структурой, а также невозможностью для преподавателя отказаться от их использования в учебном процессе. Даны рекомендации по совершенствованию УМК. Предложено обеспечить большее уважение к академической свободе преподавателей отечественных высших учебных заведений.

Ключевые слова: академическая свобода, высшее образование, модернизация, преподавание, Россия, учебно-методический комплекс, университет

The author is investigating problems arising for the modern russian teachers at the higher educational institutions (universities) by the elaboration of so called «UMKs» (Educational-Methodical Complex) which are considered to be now an obligatory part of the academical (educational) process of the russian universities. The article deals in detail with existing shortcomings of UMKs caused by their rigid structure, and also by the fact of prohibition for the russian university teachers to refuse to elaborate UMK and use it in the educational process. Article contains author's conclusions and recommendations concerning UMK improvement, and also regarding respect of the academic freedom of teachers from the side of the domestic higher educational institutions.

Key words: academical freedom, higher education, modernization, teaching, Russia, educational-methodical complex, university

Введение

Так получилось, что на протяжении трех лет (2008–2011 гг.) я отсутствовал в стенах родного университета: был на стажировках сначала на юридическом факультете Гумбольдтского и Аугсбургского университетов в Германии², затем на юрфаке университета г. Турку в Финляндии³. По возвращении в alma mater с удивлением обнаружил примечательную «образовательную инновацию», неизвестную иностранным университетам: российские преподаватели, не покладая рук и очень часто в авральном режиме, трудились над разработкой незнакомых мне доселе УМК (учебно-методических комплексов). Мое удивление возросло еще больше, когда, беседуя со многими из коллег (как в родном вузе, так и за его пределами), я ни разу не услышал от них однозначно положительной оценки УМК. Ни у кого, кто бы ни разрабатывал учебно-методические

* Саленко Александр Владимирович — кандидат юридических наук, магистр (LL.M., Геттинген), доцент кафедры международного и европейского права юридического факультета Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград). E-mail: alexander.salenko@gmail.com.

¹ Статья была подготовлена во время стажировки в Польше на юридическом факультете Белостокского университета (Wydział Prawa Uniwersytetu w Białymstoku) в рамках научно-исследовательского проекта, финансируемого фондом поддержки науки им. И. Мяновского (Jozef Mianowski Foundation for the Promotion of Science — the Fellowship Program Research & Experience). Автор статьи выражает благодарность своим замечательным коллегам в Белостоке и сотрудникам фонда Мяновского в Варшаве за поддержку и помощь.

² Саленко А. В. Юридическое образование в России и ФРГ глазами стипендиата Федерального канцлера Германии // Рос. право: образование, практика, наука. 2009. № 11–12. С. 65–75.

³ Саленко А. В. Европейское пространство науки и образования: правовые аспекты университетской реформы в Финляндии // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 3. С. 124–132.

комплексы, не было полной внутренней убежденности в действительной необходимости УМК. Скорее наоборот, среди подавляющего большинства преподавателей (совершенно разных возрастов и званий) установилось стойкое негативное отношение к УМК как к «неизбежному злу», как к формальному требованию со стороны «образовательных чиновников», выполнять которое обязаны все¹. Сегодня общеизвестно, что преподаватели российских университетов вынуждены выполнять чрезмерный объем бумаготворческой работы (отчеты, рейтинги преподавателей, балльно-рейтинговая оценка студентов, тесты и создание (модернизация) УМК), невзирая на полную и очевидную бессмысленность этой квазипреподавательской деятельности. Наблюдая за происходящим и учитывая свой опыт составления УМК, я захотел разобраться в сути этого явления. Следует все же понять, нежелание составлять УМК присутствует только среди отдельных «преподавателей-ретроградов», которые *a priori* враждебны ко всякому образовательному прогрессу, или в самом УМК заложены некие системные ошибки...

Прогрессирующий формализм

Фактическое положение дел таково, что современный отечественный преподаватель не имеет права хоть немного отклониться от утверждаемой университетом структуры УМК². В локальных нормативных актах вузов фиксируются обязательные структурные элементы УМК. Любые апелляции преподавателей к здравому смыслу относительно абсурдности того или иного его раздела в связи с сутью и содержанием читаемой дисциплины остаются без ответа. УМК основан на жесткой структуре, соблюдать которую их заставляют. Это в свою очередь влечет весьма формальный контроль качества УМК: если нет того или иного раздела, следует простой и однозначный вывод: представлен некачественный образовательный продукт («некондиционный УМК»), который нужно дорабатывать. Так постепенно в современном отечественном образовании утверждается царство шаблонного подхода.

Нелепые и абсурдные требования

При составлении УМК преподаватель вынужден выполнять ряд требований, с правильностью которых сложно согласиться. Например, его заставляют включать в список обязательной (основной) литературы лишь те источники, «возраст» которых не превышает пяти лет. Таким образом, данный список должен представлять собой этакий набор «свеженькой» литературы. Если же в нем попадаются «возрастные книжки», автоматически следует вывод о ретроградности преподавателя: дескать, человек застыл на месте и наверняка он профессионально деградирует... Подобная логика ущербна и имеет явно примитивный характер. Так, для ряда дисциплин (история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, теория государства и права, история

¹ Глотова Ж. В. Трудности преподавателей высшей школы при разработке учебно-методических комплексов // Цивилизационные, экономические, гуманитарные и лингвистические проблемы современного общества: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 29–30 декабря 2009 г. Барнаул, 2010. С. 349–350.

² С уверенностью можно предположить, что желание преподавателя отказаться от составления УМК будет воспринято в штыки и расценено как саботаж учебного процесса. Вместе с тем убежденным сторонникам УМК необходимо напомнить о существовании академической свободы, т. е. права (свободы) излагать учебный предмет по своему усмотрению, права свободного выбора тем научных исследований и права выполнять научную и академическую (образовательную) деятельность своими собственными методами (как с УМК, так и без него). Данный вопрос о возможности преподавателя отказаться от составления УМК со ссылкой на смысл и содержание академической свободы, мы оставим для разбора в отдельной публикации. Однако хотелось бы пригласить коллег высказать свое мнение по проблемам практической реализации академической свободы в российских университетах. Современный преподаватель сталкивается с фактическим диктатом: УМК должен быть составлен и именно в той форме, в какой его «спускают сверху». Подобный подход противен духу и смыслу преподавательской и научной деятельности. Кроме того, данный крайне формальный подход есть неуважение к историческому прошлому отечественной научной и образовательной школы. Возможно, именно благодаря отсутствию формализма и бумаготворчества в дореволюционной России было возможно появление значительного числа профессоров мирового уровня (например, нобелевского лауреата профессора Ивана Петровича Павлова).

политических и правовых учений и т. д.) применение такого требования недопустимо. Порой и в других разделах юридической науки необходимы источники старше пятилетнего возраста. Однако вместо того, чтобы сосредоточиться на подборе по-настоящему нужных студенту книг, преподаватель вынужден следить за тем, насколько «свеженькой» является рекомендуемая публикация.

Не менее нелепо и требование включать в список основной литературы только те источники, которые есть в университетской библиотеке. К чему такой формализм? Устанавливая это нововведение, «образовательные чиновники» как бы пекутся об интересах студентов (их вниманию предлагаются источники, находящиеся в библиотеке). По мнению чиновников, студенты и так ничего не читают, а если еще и книг в библиотеке не будет, то дело совсем плохо. На мой взгляд, правильность подобного подхода, когда предлагают ориентироваться на худших студентов, весьма сомнительна. Кроме того, в век информационных технологий не составляет труда достать источник, которого нет в библиотеке родного университета. И даже если его невозможно найти в Интернете (в чем я сильно сомневаюсь), есть МБА – межбиблиотечный абонемент (межбиблиотечный обмен книгами). Надеюсь, «образовательные администраторы» знают о существовании МБА и не спутают его с MBA (Master of Business Administration). Благодаря МБА можно в течение нескольких дней получить в свое распоряжение любую необходимую литературу.

Таким образом, вопрос, для чего нужно устанавливать нелепые требования и заставлять преподавателя сортировать литературу на «доступную» и «недоступную», остается открытым. Какой преподаватель нужен современной России: настоящий творчески мыслящий ученый или бездумный исполнитель, выполняющий любые (пускай даже идиотские) требования?..

Царство шаблонного подхода и дрессуры...

Все чаще экзамен в отечественных образовательных учреждениях напоминает отгадывание кроссворда: студенту нужно вставить пропущенное слово, выбрать вариант ответа из предложенных, соединить стрелочками правильные ответы («составить пары»)... Тестирование постепенно приобретает качество основной формы контроля знаний студентов. УМК превратился в инструмент внедрения тестов как формы промежуточного, текущего и итогового контроля. При этом существует фактически императивное требование: тесты должны быть представлены в любом УМК и по любой учебной дисциплине. В очередной раз игнорируются доводы преподавателей об абсурдности применения тестов. Официальная установка такова: тесты должны быть. Не будет тестов – преподаватель и университет не пройдут аттестацию. Сегодня тем, кто трудится в высших учебных заведениях России, знакома ситуация, когда преподаватели в спешном порядке составляют банки тестовых заданий (объемом до 1200 тестов).

Речь не идет о том, что тесты совсем не подходят для использования в учебном процессе. При контроле, например, теоретических знаний студентов тесты могут быть даже весьма эффективны. Однако если мы говорим, что юридическое (как и любое другое) образование должно иметь характер проблемно-ориентированного обучения (PBL – Problem Based Learning), то тесты обязаны носить вспомогательный характер. Именно по этой причине тестирование не может превращаться в основную форму контроля знаний студентов-юристов. Сложно представить, чтобы при выступлении в суде юристу предложили выбрать правильный вариант из трех предложенных ответов. Такого не произойдет ни при консультировании клиента, ни при составлении клиентского меморандума и прочих юридических документов. Будущему юристу необходимы навыки аналитической работы, умение обобщать содержание значительного количества документов, способность формулировать и отстаивать свою позицию. Таким образом, устная и письменная речь – вот основные инструменты юриста, реально и каждодневно применяемые им на

практике. При этом вместо развития навыков грамотного письма и устной речи студентов «дрессируют» в решении тестов, не имеющих ничего общего с природой юридической профессиональной деятельности. Сегодня (повторю еще раз) отказ преподавателя от использования тестов фактически невозможен, академическая свобода подменяется армейской дисциплиной: раз «сверху» требуют тесты, значит нужно их составлять. Даже в трудовые договоры, заключаемые с преподавателями, все чаще включают требование о составлении УМК и тестов, не осознавая того, что именно так убиваются академическая свобода и по-настоящему творческий труд преподавателя¹...

Дорога упрощенчества...

Итогом становится появление бессмысленных тестовых вопросов, созданных по принципу «чтобы было». Преподаватель превращается в «композитора». Да, именно так и на полном серьезе обозначают «образовательные чиновники» составителя тестов. Вновь обращаю ваше внимание на то, что в студентах формируют привычку выбирать ответ из предложенных вариантов и фактически не обучают аналитическому мышлению, которое может быть развито только посредством длительной мыслительной работы и участия в дискуссиях, позволяющих отточить собственную аргументацию.

По моему мнению, чрезмерное применение тестов было порождено тем бесконечным числом внешних проверок, которым подвергаются сегодня отечественные высшие учебные заведения. Естественно, проверка знаний становится намного проще, когда за один «присест» можно «проконтролировать» несколько сотен студентов, усадив их в компьютерном классе решать тесты. Здесь забавляет «логика» выводов, делаемых по результатам контроля остаточных знаний: если студенты плохо решили тесты, значит плох их преподаватель. Что ж, видимо, не всем «контролерам» остаточных знаний известна старинная арабская поговорка: «Коня можно привести к водопою, заставить пить — нельзя»...

Поэтому формула «Плохие результаты тестирования = плохой преподаватель» — лишь свидетельство нежелания «контролеров» реально погружаться в дела студентов и преподавателей. Ведь вместо блиц-тестирования им пришлось бы потратить время на беседы с отдельными преподавателями и студентами; познакомиться с тем, как последние овладели навыками юридического письма (а это вновь не один час работы). Тесты же предлагают нам весьма простое решение: с минимальными затратами получить квазидостоверную информацию об уровне юридических знаний студентов. Что ж... В очередной раз убеждаюсь в правоте Александра Сергеевича Грибоедова: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете!»

УМК-шизофрения: тихо сам с собою я веду беседу...

Как было сказано ранее, современная образовательная политика такова, что от любого преподавателя требуют составления УМК (в том числе прямо закрепляя данное требование в трудовом договоре). Отказ невозможен. Однако абсурд ситуации заключается в том, что каждый преподаватель, составляя свой УМК, сам себе пишет «рекомендации по организации работы». Если руководствоваться здравым смыслом, то УМК — авторское произведение, но в таком случае зачем автору нужны свои же рекомендации? Налицо трагикомичный факт — «чужой» УМК использовать нельзя, но и отказаться от обязательно-абсурдных разделов УМК преподаватель также не вправе... Вот и приходится писать самому себе рекомендации о том, как же лучше научить студентов уму-разуму. Чудеса, да и только...

¹ Альтбах Ф. Г. Академическая свобода: реалистическая оценка // Международное высшее образование: ежеквартал. журн. центра междунар. высшего образования (Бостон колледж, США): URL: <http://ihe.nkaoko.kz/archive/14/292>.

Заключение

Перечень недостатков современного УМК (точнее, предъявляемых требований к его составлению) можно продолжать: написание объемных глоссариев, практическая польза которых весьма сомнительна; повсеместное внедрение балльно-рейтинговой системы (использование традиционной для отечественной образовательной школы (пятибалльной) системы оценки знаний студентов сегодня – архаизм, который свидетельствует о недостаточной инновационности преподавательской деятельности); «мантры» (заклинания) об интерактивности и наглядности обучения (нужно, не нужно, но по каждой теме должна быть представлена презентация); составление матрицы компетенций – таблицы, в которой указывается, когда и какая компетенция у студента появляется (и не дай Бог, если она возникнет у него в рамках какой-либо другой темы) и т. д. Хотел бы повторить, что представленный мной материал – это приглашение к диалогу о происходящем в образовательном процессе. Безусловно, демонизация, как и излишняя идеализация какого-либо предмета (включая УМК) всегда будет заведомо необъективной, а потому хочу предупредить упреки в том, что я пытался излишне очернить УМК. Вовсе нет. Разумеется, каждый преподаватель обязан вести методическую работу: обобщать, систематизировать и совершенствовать свой учебный материал. Однако в данном процессе важно соблюдать академическую свободу преподавателя и уважительно относиться к ней, предоставляя именно ему право выбора форм и методов преподавания, а также систематизации учебного материала. Никакой диктат со стороны «университетской бюрократии» в данных вопросах недопустим.

По моему глубокому убеждению, «образовательному начальству» следует с таким же рвением, с которым они требуют написания «качественного» УМК, если даже не с большим усердием, посвятить себя вопросу укрепления статуса российского преподавателя. Ведь и ныне актуальны слова графа Бенкендорфа, адресованные царю Николаю I в 1839 г.: «Положение русских профессоров... самое жалкое как в отношении жалованья, так и выгод, доставляемых службою». Существуют они «частными уроками по домам и пансионам... Но истрачивая время на уроки для приобретения пропитания, они не успевали следовать за ходом наук и оставались всегда позади, а потом совершенно отстали. Оттого в русских университетах... и успехи в науках были слабы, а недостаток в хороших преподавателях становился ощутительнее»¹. Не правда ли, все как про нас в современной России? Так, может, следует задуматься о том, чтобы приравнять статус российского профессора к статусу федерального судьи? В свое время Михаил Васильевич Ломоносов «сетовал, что российский профессор имеет по Табели о рангах чин, соответствующий армейскому капитану. Хотя его коллега в Европе – полковника»². Вот истинно важные вопросы, которые имеют судьбоносное значение для современного российского образования и науки. К сожалению, число желающих рассуждать об этом, а тем более решать эти вопросы, невелико. Ведь куда проще создавать видимость квазиреформ, бесконечно третируя преподавателей за нелепые недоработки УМК, тестов и прочей псевдоакадемической шелухи. Воистину, горе от УМКа!

¹ Аврус А. И. Российские университеты в эпоху Николая I // URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9848/12.pdf>.

² Экштут С. Цена головы. Размышления после встречи В. Путина с академиками РАН // Аргументы недели. 2010. 19 мая; URL: <http://argumenti.ru/print/history/n238/61306>.

О. Н. Родионова*

Рец. на кн.: Детков А. П. Теоретические и методологические проблемы пенитенциарной конфликтологии: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: Монография. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. – 356 с.

Общеизвестно, что восприятие работы начинается с ее названия. А. П. Детков разделил его на две части. Первая показывает, что работа посвящена пенитенциарной конфликтологии, ее теоретическим и методологическим проблемам. Вторая уточняет, что заявленная тема может иметь различные аспекты, но автор сосредоточит внимание лишь на уголовно-правовых и уголовно-исполнительных.

Пенитенциарной конфликтологии посвящена глава вторая, в которой рассматриваются ее теоретические и методологические аспекты. Однако если в подразделе 2.1 «Теоретико-методологическое обоснование пенитенциарной конфликтологии как науки» утверждается, что «предметом пенитенциарной конфликтологии являются общие закономерности и особенности пенитенциарного конфликта, его причинность, возникновение, динамика развития и завершения, а также различные средства и способы воздействия (прогностика, профилактика, практика) на конфликтные отношения взаимодействующих сторон» (с. 90), то в выводах второй главы дается несколько иное определение: «Под предметом пенитенциарной конфликтологии понимаются конкретные противоречия (совокупность противоречий), которые возникают между субъектами конфликтной ситуации в местах лишения свободы» (с. 172).

Думается, что именно исходя из приведенных определений предмета А. П. Детков практически всю монографию (кроме подраздела 2.1) посвящает исследованию конфликтов и конфликтных ситуаций.

В первой главе он описывает конфликт как социальное явление; во второй – рассматривает пенитенциарные конфликты; в третьей – исследует конфликтную ситуацию; в четвертой – диагностику пенитенциарных конфликтов; в пятой – их превенцию; в шестой (последней) – методику выявления, предупреждения и разрешения различных типов конфликтов в местах лишения свободы.

Не случайно работа начинается с описания конфликта как социального явления. Юридический конфликт автор рассматривает как разновидность конфликта социального (с. 49). «Пенитенциарный конфликт может развиваться как в правовом поле (юридический конфликт), так и вне его» (с. 173). «Под пенитенциарным конфликтом понимается такой вид социального взаимодействия между осужденными (личностью или группами, осужденными и персоналом учреждения, исполняющего наказание), как обострение лежащих в его основе противоречий, характеризующихся несовместимостью целей или способов их достижения и выражающихся в обоюдных действиях или бездействии субъектов, направленных не только на достижение целей, но и на нейтрализацию, устранение противодействия одной из сторон, нанесение ей морального, материального или физического ущерба» (с. 173). Из приведенного определения логично следует, что А. П. Детков пенитенциарный конфликт называет разновидностью социального и юридического конфликта (с. 172).

Пенитенциарная конфликтология в целом, по его мнению, – это разновидность конфликтологии как основной и базовой науки, а также юридической конфликтологии (с. 89, 172).

* Родионова Ольга Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: uglaw@yandex.ru.

Вопросы о том, является ли все перечисленное выше самостоятельными областями научного знания или частями (разделами) таких его отраслей, как социология, социология права, а также о том, что должно считаться юридическим, а что социологическим знанием, спорны. Однако при всем разнообразии точек зрения сторонники признания юридической конфликтологии правовой наукой не считают ее частью традиционных областей юридического знания, изучающих отрасли права. С ними согласен и А. П. Детков. Он предлагает рассматривать пенитенциарную конфликтологию как междисциплинарную отрасль научного знания (с. 337). И с этой позиции анализирует различные аспекты пенитенциарных конфликтов.

Кроме социологической составляющей, автор выделяет психологическую, связанную в первую очередь с изучением личности участников конфликтов (подразделы 4.2, 4.4), организацией и проведением психологической работы с ними (подраздел 5.4), а также педагогическую, являющуюся основой для индивидуальной воспитательной работы по предупреждению и нейтрализации конфликтов (подраздел 5.3) и др.

Хотя вторая часть названия монографии предполагает акцент на уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты, в работе нет ни главы, ни подраздела, специально посвященного им. В книге затрагиваются лишь отдельные вопросы, относящиеся к уголовному и уголовно-исполнительному праву. Так, в первой главе А. П. Детков упоминает уголовное и уголовно-исполнительное право только при перечислении наук, прикладные методы которых могут использоваться при исследовании пенитенциарных конфликтов (с. 74). Во второй главе при характеристике мест лишения свободы он, изучая вопрос о целях уголовного наказания (с. 90–125), делает вывод, что они практически недостижимы и нуждаются в дальнейшей коррекции (с. 173), правда, не уточняет, какой именно.

В работе рассматриваются протекающие в местах лишения свободы конфликты, в которых участвуют осужденные. Однако (и это хорошо видно) и места лишения свободы, и осужденные имеют не только правовые характеристики. Например, говоря о местах лишения свободы как среде возникновения пенитенциарных конфликтов, автор дает как ее правовые характеристики, так и социальные (подраздел 2.2).

В подразделе 2.5, исследуя воздействие режима содержания на конфликтность осужденных (с. 162–171), он заключает, что «интеграционная функция режима в местах лишения свободы оказывает непосредственное влияние на взаимодействие и изменение социальной среды, конфликтного пространства исправительных учреждений. Сбалансированность функций режима обеспечивает нормальное функционирование механизма сдержек и противовесов редуцирования конфликтности» (с. 174). А. П. Детков утверждает, что режим обеспечивается комплексом правовых и организационных мер (с. 164), но не поясняет, какова роль именно правовой составляющей и обеспечивает ли она их сбалансированность.

Подраздел 5.5 автор посвящает интеграционной функции режима содержания как институту предупреждения конфликтов (с. 291–293). Однако правовую составляющую упоминает только в первом пункте, где подчеркивает, что профилактико-упреждающий механизм режима обусловлен нормами уголовно-исполнительного законодательства РФ.

В монографии содержится лишь одно предложение по совершенствованию законодательства: установленный в ч. 3 ст. 127 УИК РФ срок уголовного наказания предлагается снизить с 10 до 7 лет (с. 238). К сожалению, данное предложение не включено в выводы по главе, т. е. не рассматривается автором как ее ключевое положение.

Таким образом, содержание работы свидетельствует о том, что уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты заявленной темы не являются ни единственными, ни основными, ни широко представленными, исходя из круга обсуждаемых вопросов, их сущности, объема, а также значимости полученных выводов и предложений. Если соотнести содержание работы и ее название, то вторую часть названия логично просто убрать.

С. А. Иванова*

ОБЗОР «КРУГЛОГО СТОЛА» «ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН О ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ»

В рамках пятой сессии «Право и модернизация: приоритеты и стратегия» Европейско-Азиатского правового конгресса, а также Третьего регионального форума по правовому сотрудничеству (Китайское юридическое общество) в зале Ученого совета УрГЮА 26–27 мая 2011 г. прошел «круглый стол». Его целью было объединение усилий представителей государственных органов (федеральных и субъектов РФ, входящих в УрФО), органов местного самоуправления муниципальных образований, находящихся на территории УрФО, научно-исследовательских и образовательных организаций по систематизации проблем практики применения законодательства о государственной и муниципальной службе, их анализу и выработке рекомендаций по совершенствованию соответствующих правовых норм с учетом опыта зарубежных стран.

Актуальность «круглого стола» обусловлена тем, что «совершенствование правовой основы государственной гражданской службы Российской Федерации» определено в качестве одной из задач в Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)». Совершенствование законодательства о муниципальной службе в качестве задачи Федеральной программы не названо, но правоприменительная практика показывает необходимость и данной работы.

Организаторами «круглого стола» выступили Аппарат полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе; Ассоциация «Уральский окружной ресурсный центр государственной и муниципальной службы» (далее – Ассоциация); Учебно-научный центр государственной и муниципальной службы УрГЮА; кафедра социального права, государственной и муниципальной службы УрГЮА.

Среди участников «круглого стола» были представители:

Администрации Президента РФ: заместитель начальника Департамента по вопросам реформирования и развития государственной службы Управления Президента РФ Хома Сергей Петрович и начальник департамента по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе аппарата полномочного представителя Президента РФ в УрФО, член Попечительского совета Ассоциации Мельников Виктор Алексеевич;

Министерства юстиции РФ: начальник отдела по вопросам государственной службы Департамента государственной службы и кадров Якимова Татьяна Анатольевна, начальник Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области Чуличков Владимир Николаевич, помощник начальника Главного управления Пономарева Елена Анатольевна;

Министерства здравоохранения и социального развития РФ¹: начальник Департамента по государственной службе Вахнин Леонид Евгеньевич;

Управления Генеральной прокуратуры РФ в УрФО: Паначев Константин Игоревич;

Свердловского областного суда: судья, кандидат юридических наук, доцент кафедры социального права, государственной и муниципальной службы УрГЮА Васильева Анна Сергеевна;

* Иванова Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры социального права, государственной и муниципальной службы Уральской государственной юридической академии, член конкурсных комиссий – представитель УрГЮА, независимый эксперт (Екатеринбург). E-mail: spgms@mail.ru.

¹ В настоящее время – Министерство труда и социальной защиты РФ.

Управления Судебного департамента в Свердловской области: начальник отдела государственной службы и кадрового обеспечения Кривошеева Ольга Ивановна, ведущий специалист отдела государственной службы и кадрового обеспечения Жукова Ольга Геннадьевна;

Министерства по управлению государственным имуществом Свердловской области: начальник отдела государственной службы, кадров и экономической безопасности Кузьмин Вадим Иванович, начальник юридического отдела Кульпина Алена Алексеевна;

*Министерства социальной защиты населения Свердловской области*¹: начальник отдела государственной службы и кадров Хлыст Наталья Ивановна, начальник юридического отдела, кандидат юридических наук, доцент кафедры социального права, государственной и муниципальной службы УрГЮА Шипулина Лариса Николаевна;

Постоянного представительства Ямало-Ненецкого автономного округа в Екатеринбурге: заместитель начальника государственно-правового отдела Антропова Елена Анатольевна;

Администрации города Сургута: заместитель главы Администрации, председатель отраслевой Комиссии по правовым вопросам и межмуниципальному сотрудничеству Ассоциации «Совет муниципальных образований Ханты-Мансийского округа – Югры», кандидат юридических наук Алешкова Наталья Павловна;

органов государственной власти, курирующих вопросы государственной и муниципальной службы, в субъектах РФ, входящих в УрФО: заместитель начальника управления – начальник отдела правовой экспертизы правового управления Правительства Курганской области Желейко Татьяна Юрьевна; начальник отдела ведения реестра муниципальных нормативных правовых актов правового управления Правительства Курганской области Герштанский Михаил Юрьевич; директор департамента государственной службы, кадров и наград Губернатора Свердловской области Шинкаренко Сергей Николаевич; начальник управления государственной и муниципальной службы департамента государственной службы, кадров и наград Губернатора Свердловской области Хазова Елена Владимировна; консультант управления государственной и муниципальной службы департамента государственной службы, кадров и наград Губернатора Свердловской области Светлова Елена Александровна; начальник управления по связям с палатами Законодательного Собрания Свердловской области Правительства Свердловской области Наймушин Сергей Владимирович; начальник отдела государственной и муниципальной службы управления государственной и муниципальной службы, организационно-контрольной работы аппарата Губернатора Тюменской области Брезицкая Любовь Александровна²; заместитель начальника управления – начальник отдела Управления государственной службы Правительства Челябинской области Григорович Михаил Юрьевич; заместитель директора Департамента внутренней политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Астапенко Ирина Анатольевна; заместитель начальника управления, начальник отдела профилактики коррупционных и других правонарушений управления кадров аппарата Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Тахтеева Светлана Владимировна; заместитель начальника управления государственной гражданской и муниципальной службы аппарата Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Михель Андрей Валерьевич;

других государственных органов, органов местного самоуправления: консультант Межрегионального управления по финансовому мониторингу по УрФО Саичкина Валентина Михайловна, начальник отдела кадровой и муниципальной службы Администрации города Екатеринбурга Никулин Николай Николаевич.

¹ В настоящее время – Министерство социальной политики Свердловской области.

² Принимала участие в работе «круглого стола» заочно.

От кафедры социального права, государственной и муниципальной службы УрГЮА участвовали: Григорьев Иван Владимирович, координатор по учебно-методической работе, кандидат юридических наук, доцент; Миронов Виктор Пантелеймонович, эксперт Экспертного совета Уральского института регионального законодательства, кандидат юридических наук, доцент; Наймушин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент; Плешакова Инна Николаевна, старший преподаватель; Силкина Екатерина Алексеевна, аспирант; Дианова Ирина Васильевна, ведущий лаборант и др.

Кафедру теории и практики управления УрГЮА представляли: Митин Александр Николаевич, заведующий кафедрой, доктор экономических наук, профессор, главный редактор Издательского дома УрГЮА; Рассохин Анатолий Васильевич, заместитель председателя Правления – исполнительный директор Ассоциации, кандидат юридических наук, доцент и др.

От Учебно-научного центра государственной и муниципальной службы участвовали: Иванова Светлана Анатольевна, директор, кандидат юридических наук, доцент кафедры социального права, государственной и муниципальной службы УрГЮА; Пономарева Галина Николаевна, заместитель директора; Ромме Марина Адольфовна, специалист 1-й категории по учебно-методической работе.

Также в работе «круглого стола» приняли участие *председатель и члены Правления Ассоциации «Уральский окружной ресурсный центр государственной и муниципальной службы»*: председатель Правления Ассоциации, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и практики управления УрГЮА Семенов Владимир Дмитриевич; члены Правления: заместитель Председателя Правления Ассоциации, первый заместитель руководителя Представительства Ямало-Ненецкого автономного округа в Екатеринбурге Бессонова Татьяна Павловна; директор бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Региональный институт управления», кандидат исторических наук, доцент Шиляев Николай Федорович и др.

Модераторами «круглого стола» были С. А. Иванова, В. П. Миронов, Н. П. Алешкова.

С приветствием к участниками «круглого стола» обратились В. А. Мельников, В. Д. Семенов, С. А. Иванова.

Научные доклады представили: С. А. Иванова («Некоторые проблемы практики применения правовых норм, регулирующих конкурс на гражданской и муниципальной службе в Российской Федерации и способы их решения»); В. П. Миронов («Роль и место независимых экспертов при проведении конкурса на замещение должности гражданской (муниципальной) службы, аттестации, квалификационного экзамена гражданских (муниципальных) служащих в Российской Федерации»); Н. П. Алешкова («Некоторые проблемы муниципальной службы и практика их решения на примере Администрации города Сургута»); И. В. Григорьев («Проблемы правового регулирования проведения квалификационных экзаменов на государственной службе в Российской Федерации и других государствах Евразийского экономического сообщества»); С. В. Наймушин («Проблемы правового регулирования квалификационного экзамена на гражданской (муниципальной) службе в Российской Федерации»); А. Н. Митин («Профессионализм государственных и муниципальных служащих»); А. В. Рассохин («Понятие и юридическая природа конкурса»).

Участники «круглого стола» обсудили некоторые проблемы правового регулирования конкурса на гражданской (муниципальной) службе, аттестации, квалификационного экзамена государственных гражданских служащих, статуса независимых экспертов – членов конкурсных и аттестационных комиссий, судебной практики, связанной с применением законодательства о государственной (муниципальной) службе. Был рассмотрен опыт зарубежных стран, в том числе стран-членов ЕврАзЭС. Острая дискуссия развернулась при обсуждении проблемы, связанной с преодолением иерархической коллизии правовых норм.

Участники «круглого стола» подтвердили актуальность обсуждаемых проблем и выразили готовность продолжать сотрудничество. По итогам работы были приняты рекомендации.

Доработанные до уровня научных статей выступления участников «круглого стола» будут опубликованы в настоящем и последующих выпусках «Электронного приложения к „Российскому юридическому журналу“».

И. В. Григорьев*

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРОВЕДЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ЭКЗАМЕНОВ
НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВАХ ЕВРАЗЭС**

Рассматривается правовое регулирование государственной службы в отдельных государствах-членах ЕвразЭС. Подчеркнута необходимость устранения недостатков в регулировании отношений, связанных с квалификационными экзаменами на государственной службе.

Ключевые слова: государственная служба, гражданская служба, квалификационный экзамен

The article examines the legal regulation of the civil service in some states of the Eurasian Economic Community. Highlighted the problems and inaccuracies in regulation of relations connected with the qualification exams in the public service.

Key words: public service, civil service, qualification examination

Проводимое в государствах Евразийского экономического сообщества (ЕвразЭС) реформирование государственной службы коснулось и подходов к отдельным этапам прохождения службы. Правовое регулирование государственной службы в государствах-членах ЕвразЭС осуществляется законами: Законом Республики Казахстан от 23 июля 1999 г. № 453 «О государственной службе»¹, Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе Республики Беларусь»², Законом Кыргызской Республики от 11 августа 2004 г. № 114 «О государственной службе»³, Законом Республики Таджикистан от 5 марта 2007 г. № 233 «О государственной службе»⁴, федеральными законами от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»⁵ и от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁶.

Анализ положений названных законов позволяет разделить все отношения на государственной службе на несколько групп: 1) связанные с поступлением на государственную службу; 2) касающиеся прохождения службы; 3) связанные с прекращением службы; 4) связанные с определением правового положения (статуса) служащих. Таким образом, прохождение государственной службы нужно понимать как *совокупность правоотношений, возникающих между служащим и государственным органом (другими*

* Григорьев Иван Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры социального права, государственной и муниципальной службы Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: spgms@mail.ru.

¹ Официальный сайт Министерства юстиции Республики Казахстан: URL: <http://www.minjust.kz:81/doc/show/id/1160>.

² Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: URL: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=N10300204>.

³ Официальный сайт Министерства труда, занятости и миграции Кыргызской Республики: URL: http://www.mz.kg/ru/law_worker.

⁴ Официальный сайт Управления государственной службы при Президенте Республики Таджикистан: URL: http://www.rhd.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=120.

⁵ СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

⁶ Там же. 2004. № 31. Ст. 3215.

служащими) в период от поступления на службу и до ее прекращения, отражаемых в личном деле служащего.

В ст. 12 Федерального закона «О системе государственной службы РФ» названы отдельные этапы прохождения службы: а) назначение на должность, б) присвоение классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания, в) аттестация или квалификационный экзамен, г) другие обстоятельства (события) в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ. Представляется, что данный перечень нельзя признать удачным, поскольку и аттестация, и квалификационный экзамен являются самостоятельными этапами и не могут рассматриваться как альтернативные.

Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ» не содержит определения термина «квалификационный экзамен» и недостаточно верно определяет его цель как оценку «знаний, навыков и умений (профессионального уровня) гражданского служащего». Согласно Положению о порядке проведения квалификационного экзамена государственных служащих Кыргызской Республики, утвержденному Указом Президента Кыргызской Республики от 24 октября 2005 г. № 485¹, квалификационный экзамен есть государственная оценка уровня профессиональной подготовки и квалификации государственного служащего в целях присвоения ему классного чина, соответствующего занимаемой им административной государственной должности, либо очередного классного чина без последующего перевода на другую административную государственную должность. Считаем, что цель квалификационного экзамена и в РФ, и в Кыргызской Республике установлена недостаточно верно – *оценка профессионального уровня служащих*. По сути, цель – *решение вопроса о присвоении классного чина, а оценка профессионального уровня – средство достижения указанной цели*.

Нарекания вызывает и периодичность сдачи квалификационного экзамена служащими в Российской Федерации – не чаще одного раза в год и не реже одного раза в три года. Служащий РФ, который поступил на службу и которого не включили в перечень лиц, сдающих экзамен, может подать заявление после окончания испытания, а проведен экзамен будет не позднее трех месяцев с момента подачи. В подобной ситуации необходимо говорить о нарушении прав гражданского служащего на получение денежного содержания в требуемом размере. В Республике Кыргызстан инициировать проведение экзамена может только служащий, а ведь централизованное проведение экзамена позволяет привлечь к участию в нем большее число служащих (и без их обращения).

Практика проведения квалификационных экзаменов в российских государственных органах показывает, что достаточно часто непосредственные руководители нарушают сроки представления отзыва об уровне знаний, навыков и умений (профессиональном уровне) гражданского служащего и о возможности присвоения ему классного чина. Нередки случаи, когда отзыв подается в комиссию в день сдачи квалификационного экзамена, что, с одной стороны, нарушает порядок работы комиссии, а с другой – лишает служащего полноценной защиты его прав.

Проведение квалификационных экзаменов в Российской Федерации предоставлено конкурсной или аттестационной комиссии, состав которой не установлен. Представляется, что следует нормативно определить минимальное число членов комиссии, как это сделано, например, в Республике Беларусь (5–9 человек). Кроме того, в российском законодательстве нет указания на то, что независимые эксперты *должны* участвовать в заседании комиссии (*подобное уточнение касается только заседаний комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов*).

Еще одна проблема – несвоевременное извещение независимых экспертов о проведении экзамена. С нашей точки зрения, необходимо извещать их об участии в заседании

¹ Нормативные акты Кыргызской Республики. 2005. № 42.

комиссии одновременно с государственными служащими, включенными в список для сдачи квалификационного экзамена.

Трудно найти существенные отличия в формах проведения квалификационного экзамена, аттестации и конкурса при поступлении на службу в РФ. Нормативные акты не устанавливают порядка оценки профессионального уровня служащего (гражданина, претендующего на замещение должности), а потому государственные органы самостоятельно разрабатывают критерии оценки, которые не всегда позволяют сделать объективные выводы.

Положительным моментом российского законодательства следует считать то, что документы для проведения квалификационного экзамена готовит и подает кадровая служба государственного органа, в то время как служащие Кыргызской Республики должны сами предоставлять пакет документов, включающий: заявление; личный листок по учету кадров; рекомендацию руководителя структурного подразделения государственного органа, в подчинении которого он находится, на участие в квалификационном экзамене; копии документов, подтверждающих профессиональное образование и квалификацию, включая копии дипломов, сертификатов об образовании, о повышении квалификации, о присвоении ученого звания и ученой степени; бланк оценки деятельности государственного служащего по результатам пройденной аттестации.

Весьма своеобразный способ присвоения квалификационных чинов предусмотрен в Республике Таджикистан. Решение о присвоении квалификационного чина (в зависимости от его вида) выносят либо Президент Республики Таджикистан по представлению руководителя государственного органа, либо руководитель государственного органа на основании представления непосредственного руководителя служащего, подготовленного совместно с кадровой службой (т. е. проведения дополнительных форм оценки профессионального уровня служащих не требуется).

Говоря об опыте государств ЕвразЭС, нельзя не отметить Республику Беларусь, в которой классы присваиваются на основании заявления служащего или непосредственного руководителя комиссией по их присвоению. Это происходит вне рамок квалификационного экзамена. В Республике Беларусь квалификационный экзамен имеет принципиально иное значение. Он проводится с целью установления соответствия уровня профессиональных знаний, умений и навыков лиц, *впервые* поступающих на государственную службу, современным требованиям эффективной работы в государственных органах (организациях). Вопросы квалификационного экзамена составляются с учетом требований знания Конституции Республики Беларусь, а также основ государственной службы в ней; государственной кадровой политики; идеологии государства; государственного регулирования экономики; делопроизводства. Кроме того, вопросы могут отражать специфику деятельности отдельных государственных органов (организаций). В Республике Беларусь четко установлены формы проведения квалификационного экзамена: экзамен, собеседование, тестирование. Они определяются государственными органами (организациями), в которых созданы экзаменационные комиссии. Существуют требования к оценке: экзамен сдан, если дано более 60 % верных ответов. Срок действия результатов экзамена – один год.

Обобщая сказанное, следует сделать вывод, что распад Советского Союза и последующее интеграционное взаимодействие вновь образовавшихся государств обусловили необходимость гармонизации (сближения, унификации) национальных законодательств. Однако правовые нормы о государственной службе нуждаются в унификации в меньшей степени, чем нормы гражданского, таможенного, трудового, медицинского, социального и других отраслей права. Представляется, что в данном случае нужно вести речь о взаимном заимствовании передовых норм и внедрении их в национальное законодательство.

В. П. Миронов*

РОЛЬ И МЕСТО НЕЗАВИСИМЫХ ЭКСПЕРТОВ В КОНКУРСНОЙ, АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИЯХ, КОМИССИИ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ТРЕБОВАНИЙ К СЛУЖЕБНОМУ ПОВЕДЕНИЮ И УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

Рассматриваются роль и место независимых экспертов в комиссиях, создаваемых в государственных органах в соответствии с требованиями Закона о государственной гражданской службе. Дан подробный анализ законодательства, проблем его применения с учетом имеющегося опыта работы независимых экспертов (критерии и порядок подбора, правовое положение в составе комиссий, роль и значение мнений независимых экспертов при принятии решений комиссиями), а также сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере деятельности комиссий.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, независимый эксперт, комиссии, государственный орган

The article focuses on the role and place of independent experts in the commissions generated by public authorities. The author analyzes the legislation, problems of its application, taking into account the existing experience: the criteria and procedure for selection, the legal status in the commissions, the role and importance of the views of independent experts in decision-making committees, and formulates proposals for the improvement of the legislation

Key words: civil service, independent experts, commissions, state's body

В ст. 19, 22, 48, 49 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — Закон № 79-ФЗ) установлено, что в состав конкурсной, аттестационной комиссий, комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов входят, наряду с другими членами, представители научных и образовательных учреждений, других организаций, приглашаемые органом по управлению государственной службой по запросу представителя нанимателя в качестве *независимых экспертов* — специалистов по вопросам, связанным с гражданской службой. Количество независимых экспертов должно составлять *не менее* одной четверти от общего числа членов комиссии, т. е. может быть и больше, но на практике назначают ровно одну четверть.

За время действия Закона № 79-ФЗ (с февраля 2005 г.) в России и ее субъектах накоплен некоторый опыт участия независимых экспертов — специалистов в сфере государственной гражданской службы в составе комиссий, создаваемых в государственных органах в соответствии с требованиями Закона. К сожалению, этот опыт практически не изучен и не обобщен. Надеюсь, что данный вопрос вызовет у вас интерес и станет предметом серьезной дискуссии на нашем «круглом столе».

Роль независимых экспертов, на мой взгляд, заключается в объективной оценке претендентов, участвующих в конкурсе на замещение вакантной должности гражданской службы, соответствия либо несоответствия гражданского служащего замещаемой долж-

* Миронов Виктор Пантелеймонович — кандидат юридических наук, доцент кафедры социального права, государственной и муниципальной службы Уральской государственной юридической академии, член Совета по кадровой политике Администрации Губернатора Свердловской области, эксперт Экспертного совета Уральского института регионального законодательства, независимый эксперт — член конкурсных и аттестационных комиссий государственных органов (Екатеринбург). E-mail: spgms@mail.ru.

ности при проведении аттестации, сдаче экзамена для определения уровня квалификации гражданского служащего и последующего присвоения классного чина, соблюдения либо несоблюдения им требований к служебному поведению, а также в урегулировании конфликта интересов и реализации принципов: 1) открытости и прозрачности государственной гражданской службы; 2) обеспечения равного доступа граждан Российской Федерации к государственной гражданской службе; 3) предотвращения или возможного снижения уровня коррупции на гражданской службе.

Вместе с тем участие независимых экспертов в комиссиях государственных органов должно способствовать защите прав граждан Российской Федерации и гражданских служащих при вынесении решения комиссиями государственного органа, особенно при рассмотрении вопросов о соблюдении требований к служебному поведению гражданских служащих и при урегулировании конфликта интересов. Независимые эксперты должны быть профессиональными специалистами, не просто связанными с гражданской службой, а хорошо знающими ее специфику.

В Законе № 79-ФЗ сказано, что такие специалисты есть в научных и образовательных учреждениях, других организациях. Однако ни Закон, ни соответствующие указы Президента Российской Федерации не содержат указания на типы, организационно-правовые формы данных организаций, а также уровень образовательного учреждения (начальное профессиональное, среднее профессиональное, высшее профессиональное, послевузовское), его профиль (технический, гуманитарный, специальный и др.).

Какие же научные и образовательные учреждения имеет в виду Закон № 79-ФЗ? В соответствии, например, с Законом от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» это могут быть государственные, муниципальные, негосударственные (частные) образовательные учреждения, учреждения общественных и религиозных организаций (объединений). Если обратиться к образовательным стандартам и учебным программам, то только в образовательных учреждениях высшего профессионального и послевузовского профессионального образования можно найти программы по изучению отдельных вопросов государственной гражданской службы или связанных с ней. В частности, в Уральском регионе только наша кафедра занимается комплексным изучением и преподаванием такого предмета, как «Право государственной и муниципальной службы», в других образовательных учреждениях высшего профессионального и послевузовского профессионального образования гражданская служба (точнее, ее отдельные аспекты) изучается в рамках административного, трудового права, и то лишь в части особенностей гражданской службы, государственного, муниципального управления, а не как профессиональная деятельность служащих по обеспечению исполнения полномочий государственных органов, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и ее субъектов.

Что же подразумевает Закон № 79-ФЗ под *другими организациями*? Много ли в них специалистов, связанных с гражданской службой?

Во-первых, если не считать государственные организации, в которых осуществляется государственная гражданская служба, то немного. Закон не запрещает приглашать в качестве экспертов служащих из государственных органов, но будет ли обеспечена их независимость в составе комиссий? Ответ очевиден – вряд ли. В дополнение к этому проблема при участии в составе комиссий представителей других государственных органов связана с возмездным характером деятельности экспертов, поскольку правовые отношения между государственным органом и независимым экспертом оформляются договором возмездного оказания услуг¹, такое участие будет рассматриваться как иная оплачиваемая деятельность, т. е. потребуются соблюдение определенной процедуры,

¹ См., например: Об утверждении примерной формы договора на оказание экспертных услуг: приказ Федерального агентства по науке и инновациям от 27 октября 2005 г. № 162 // СПС «КонсультантПлюс».

чтобы избежать возникновения конфликта интересов. В то же время платность услуги обеспечивает независимость экспертов от государственного органа и его руководителя.

Во-вторых, даже если такие специалисты есть, то, как правило, лишь в крупных городах – административных центрах субъектов РФ, а в небольших городах и районных центрах, где тоже имеются государственные органы, как федеральные (налоговые службы, казначейские управления, прокуратуры, аппараты федеральных и мировых судов и др.), так и субъектов федерации (администрации управленческих округов, управления социальной защиты населения, управления сельского хозяйства, органы записи актов гражданского состояния и др.), такие специалисты – редкость.

Эксперты-специалисты приглашаются из научных, образовательных и других организаций по запросу представителя нанимателя органом по управлению государственной службой. В большинстве субъектов РФ такие органы не созданы. Их полномочия согласно указам Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» и № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» выполняют государственные органы (их аппараты).

Государственные органы и аппараты государственных органов при таком толковании следует рассматривать как равнозначные понятия. Из этого следует, что не только государственные органы, имеющие определенный правовой статус, правовую форму, но и их аппараты, зачастую не обладающие таким статусом, выполняют полномочия органа по управлению государственной службой и могут запрашивать экспертов в составы названных комиссий от научных, образовательных и иных организаций. Руководитель государственного органа, будучи представителем нанимателя, должен обращаться в аппарат государственного органа, который делает запрос о направлении независимых экспертов в соответствующие комиссии государственного органа. Руководителю государственного органа проще самому обратиться с запросом в научные, образовательные и другие организации.

Ранее Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов 2007 г. был установлен следующий порядок включения в состав комиссии независимых экспертов:

1) представитель нанимателя направляет запрос о приглашении в состав комиссии независимых экспертов (без указания их персональных данных) в соответствующий государственный орган по управлению государственной службой;

2) руководитель государственного органа по управлению государственной службой направляет запросы в научные, образовательные и другие организации с предложением направить своих представителей в состав комиссии в качестве независимых экспертов с указанием их числа, но без персональных данных;

3) руководители научных, образовательных и других организаций, получив запрос, в семидневный срок направляют в запрашивающий государственный орган, т. е. государственный орган по управлению государственной службой, сведения о сотрудниках, которые могут участвовать в работе комиссии (их фамилии, имена, отчества, занимаемые должности), а также *информацию, позволяющую признать их экспертами-специалистами* по вопросам, связанным с гражданской службой;

4) независимые эксперты включаются в состав комиссии на добровольной основе.

В новом Положении, утвержденном Указом Президента РФ от 1 июля 2010 г. № 821, даже этот несовершенный порядок отсутствует.

Как же должен происходить отбор экспертов и по каким критериям?

В ранее действовавшем Положении указывалось, что эксперты-специалисты должны работать в научных, образовательных и других организациях; быть гражданами Российской Федерации; их трудовая (служебная) деятельность в течение трех и более лет

должна быть связана с гражданской службой. Такой деятельностью считалась преподавательская, научная или иная деятельность, касающаяся вопросов гражданской службы, а также предшествующее замещение государственных должностей или должностей гражданской службы в государственных органах.

Сегодня и эти критерии отсутствуют, т. е. экспертом может быть любой работающий (возникает вопрос, а почему работающий, почему, например, не гражданский служащий, вышедший на пенсию по выслуге лет и не только связанный с гражданской службой, а непосредственно занимавшийся вопросами гражданской службы) в научной, образовательной и другой организации, деятельность которого связана с гражданской службой.

Как правило, руководитель научной, образовательной, другой организации направляет в комиссию государственного органа того работника, который не очень загружен на своей основной работе, хотя лица, направляемые организацией в качестве независимых экспертов, должны быть не только специалистами в области гражданской службы, но и обладать высоким профессионализмом.

Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов (п. 8) установлено, что в состав комиссии входит представитель (представители) научных организаций и образовательных учреждений среднего, высшего и дополнительного профессионального образования, деятельность которого (которых) связана с государственной службой. (Заметим, что если в Законе № 79-ФЗ указаны эксперты – представители других организаций и *независимые специалисты-эксперты* по вопросам, связанным с гражданской службой, то в новом Положении говорится просто о *представителях научных, образовательных учреждений*, деятельность которых связана с государственной службой в целом, а не только с гражданской службой, что значительно расширяет перечень образовательных учреждений, из которых могут приглашаться представители в состав комиссии.)

Дополнительно руководитель государственного органа может принять решение о включении в состав комиссии:

- 1) представителя общественного совета, образованного при федеральном органе исполнительной власти (ч. 2 ст. 20 ФЗ от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об общественной палате РФ»);
- 2) представителя общественной организации ветеранов, созданной в государственном органе;
- 3) представителя профсоюзной организации, действующей в установленном порядке в государственном органе.

Член комиссии, не согласный с ее решением, вправе в письменной форме изложить свое мнение. Последнее обязательно приобщается к протоколу заседания комиссии, с которым должен быть ознакомлен государственный служащий. Однако особое мнение не влияет на решение, принимаемое представителем нанимателя.

Хочется обратить внимание также на вопрос, является ли участие работников организаций в составе комиссий государственных органов в качестве экспертов исполнением государственной или общественной обязанности. Однозначно ответить трудно, так как (исходя из роли независимых экспертов и добровольной основы их включения в составы комиссий) это и не государственная, и не общественная обязанность. Вместе с тем независимый эксперт вступает в гражданско-правовые отношения с государственным органом по договору возмездного оказания услуг, которым и определяются права, обязанности сторон, в том числе обязанность эксперта «осуществлять полномочия, функции, права и обязанности члена Комиссии в соответствии с утвержденными Роснаукой положениями об указанных Комиссиях и настоящим Договором»¹.

¹ См., например: Примерная форма договора на оказание экспертных услуг: утв. приказом Федерального агентства по науке и инновациям от 27 октября 2005 г. № 162.

В связи с этим обращаю ваше внимание на следующее. В ч. 1 ст. 170 Трудового кодекса предусмотрено, что работодатель обязан освобождать работника от работы с сохранением за ним места работы (должности) на время исполнения им государственных или общественных обязанностей в случаях, если в соответствии с Трудовым кодексом и иными федеральными законами эти обязанности должны исполняться в рабочее время. Ни в Трудовом кодексе, ни в федеральных законах не сказано, что заседания указанных комиссий государственных органов должны проходить в рабочее время. Вместе с тем всем известно, что такие заседания проводятся только в рабочее время. Варианты решения: либо заседания комиссий проводить в нерабочее время, либо работодателю нарушать трудовое законодательство.

В ч. 2 указанной статьи Трудового кодекса за время исполнения данных обязанностей в государственном органе или общественном объединении предусмотрена выплата работнику компенсации в размере, установленном Трудовым кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ либо решением соответствующего общественного объединения. Работодатель не обязан сохранять заработную плату работнику, направляемому в состав комиссий, за время работы в них. Следовательно, в соответствии с ч. 2 ст. 170 Трудового кодекса компенсировать ее должен государственный орган.

На практике этот вопрос урегулирован постановлением Правительства РФ от 12 августа 2005 г. № 509 «О порядке оплаты труда независимых экспертов, включаемых в составы аттестационной и конкурсной комиссий, а также комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов, образуемых федеральными государственными органами»: ставка почасовой оплаты труда – 80 руб. Оплата производится на основе договора, заключенного между федеральным государственным органом и независимым экспертом. Однако это не только не компенсирует даже часть заработной платы по основному месту работы эксперта, но и не соответствует почасовой оплате работников профессорско-преподавательского, научного состава. В результате привлечь в состав комиссий высокопрофессиональных специалистов в качестве экспертов сложно.

Следует заметить, что данное постановление не распространяется на оплату труда независимых экспертов, включаемых в соответствующие комиссии, образуемые государственными органами субъектов РФ. Последние вправе сами установить другой размер оплаты труда независимых экспертов, что и происходит на практике. К примеру, в Республике Башкортостан почасовая оплата труда независимых экспертов-специалистов составляет 450 руб.

Так как договор возмездного оказания услуг заключается между экспертом как гражданином, физическим лицом и государственным органом, то в силу общих положений гражданского законодательства стороны вправе самостоятельно определять цену договора.

При формировании состава комиссии необходимо соблюсти все условия, чтобы исключить возможность возникновения конфликтов интересов внутри нее с тем, чтобы такая ситуация не могла повлиять на принимаемые решения.

Сегодня независимые эксперты привлекаются не только в состав комиссий государственных органов по вопросам гражданской службы, но и, например, для экспертизы проектов правовых актов на коррупциогенность. В связи с изложенным ученые предлагают начать формирование института независимых экспертов как некоего экспертного сообщества (объединения) специалистов из числа сотрудников научных, образовательных учреждений и практических работников¹.

¹ Левакин И. В., Шишова Ж. А. Роль независимой экспертизы в противодействии коррупции // Рос. юстиция. 2010. № 8.

Необходимо также:

установить порядок приглашения специалистов и закрепить его, если не в законе, то (как было ранее) в указе Президента РФ;

определить правовое положение специалистов, привлекаемых в комиссии в качестве экспертов (их права, обязанности, ответственность), а также критерии отбора по профессиональному уровню из профильных организаций, причем не связанных с гражданской (государственной) службой, а непосредственно занимающихся вопросами государственной гражданской службы;

пересмотреть оплату их труда.

Решение перечисленных задач позволит, на мой взгляд, создать правовые, организационные, экономические основы для привлечения ученых, преподавателей вузов, практиков в комиссии государственных органов.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Главный редактор Издательского дома
«Уральская государственная юридическая академия»
А. Н. Митин

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *А. А. Холодилова*

Подписано к использованию 17.04.13.
Уч.-изд. л. 5,08.
Объем 0,58 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Издательский дом
«Уральская государственная юридическая академия».
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru